

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЛиМКК
_____ / Л.В. Куликова /
« ____ » _____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ:
ОПЫТ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Лингвистика и межкультурная коммуникация

Магистрант

Ю.А. Талдыкина

Научный руководитель

д-р филол. наук, проф.
А.В. Колмогорова

Нормоконтролер

Е.В. Дитерле

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАСС-МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА.....	7
1.1. Политический дискурс и масс-медиаальный дискурс: к определению понятия	7
1.1.1. Специфические черты политического дискурса	7
1.1.2. Политический дискурс СМИ как разновидность политического дискурса	11
1.2. Манипуляция как вид речевого воздействия	13
1.3. Манипуляция в поляризованном дискурсе	27
1.4. Инструментарий дискурс-анализа для выявления коммуникативной манипуляции	29
1.4.1. Текстуальный анализ.....	30
1.4.2. Контекстуальный анализ.....	33
1.5. Социологический инструментарий для выявления коммуникативной манипуляции	35
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	38
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА И ИХ ВАЛИДАЦИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕТРИК МАНИПУЛЯТИВНОГО ТЕКСТА.....	39
2.1. Критерий отбора текстов первой выборки.....	40
2.2. Дизайн экспериментальной работы	42
2.3. Дискурсивные маркеры манипуляции: результаты экспериментального исследования	46
2.4. Параметры дискурсивного описания и измерения манипулятивных текстов	50
2.4.1. Военная терминология, нацистская терминология, лексика на советскую тематику	51
2.4.2. Прецедентные личности и феномены.....	55
2.4.3. Прилагательные с антонимичными приставками anti- и pro-	59

2.5. Пример анализа текстового материала	60
2.6. Обработка естественных языков и статистические исследования в лингвистике. Язык программирования Python	67
2.7. Алгоритм программирования	69
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74
ПРИЛОЖЕНИЯ	80

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обусловлена остротой проблемы манипулятивного потенциала современных СМИ, деятельность которых направлена на изменение поведения общественности в выгодном для манипуляторов направлении; распространением манипулирования общественным мнением и контроля над информацией, определяющей политические взгляды и воззрения аудитории.

Объектом исследования является манипуляция в поляризованном политическом дискурсе СМИ.

Предмет исследования – языковые маркеры манипуляции в политическом дискурсе СМИ как метрики для измерения уровня манипулятивности масс-медийного текста.

Цель исследования – выявить языковые маркеры манипуляции в политическом дискурсе СМИ и доказать их валидность в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности масс-медийного текста.

Для достижения поставленной цели предполагается выполнение следующих **задач**:

- 1) обосновать теоретическую базу исследования, опираясь на данные различных отраслей лингвистической науки: анализ дискурса, теорию коммуникации, лексическая семантика;
- 2) описать манипуляцию как вид речевого воздействия;
- 3) рассмотреть особенности политического дискурса СМИ, находящегося на стыке политического дискурса и дискурса СМИ;
- 4) обосновать инструментарий дискурс-анализа и социологический инструментарий для выявления коммуникативной манипуляции;
- 5) провести экспериментальное исследование, включающее в себя анкетирование и структурированное интервью с респондентами;
- 6) выявить номенклатуру языковых маркеров, позволяющих диагностировать манипулятивный дискурс;

7) статистически проверить валидность выявленных маркеров в качестве метрик для измерения уровня манипулятивности масс-медийного текста для дальнейшей разработки программы-классификатора текстов по уровню манипулятивности.

Предполагаемая **научная новизна** заключается в том, что впервые ставится задача выявления языковых маркеров манипуляции с дальнейшим созданием программы автоматической обработки текстов.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при разработке курсов по прагмалингвистике, культуре речи, лингвистической интерпретации текста, лингвистике текста, языку СМИ, а также в процессах мониторинга СМИ в аспекте информационной безопасности.

Ожидаемые результаты: выявление и описание языковых маркеров манипуляции в поляризованном политическом дискурсе СМИ в ходе экспериментального исследования, а также дискурс-анализа; получение статистически релевантных данных для оценки валидности данных маркеров в качестве метрик для дальнейшего создания программы-классификатора на основе принципа машинного обучения.

Материалом исследования являются англоязычные газетные статьи (200 текстов) западных и российских СМИ (the Washington Post, the New York Times, the Daily Mail, Russia Today), отражающие актуальную политическую ситуацию в Восточной Европе.

Теоретическую базу исследования составили труды по дискурс-анализу Т.А. ван Дейка, М.Л. Макарова; работы по политическому и масс-медийному политическому дискурсам Т.А. ван Дейка, В.Н. Базылева, Е.И. Шейгал, А.А. Филинского; исследования по коммуникативному анализу речи и методологии коммуникативных исследований О.А. Леонтович; исследования коммуникативно-когнитивных основ манипуляции Е.Л. Доценко, П.Б. Паршина, Г. Шиллера,

Г.А. Копниной, работы по компьютерной обработке языковых данных
Р.Г. Пиотровского, Р.М. Фрумкиной, S. Bird et al.

Методы: метод критического дискурс-анализа политического дискурса, метод коммуникативного анализа стратегий и тактик дискурса, социологический метод анкетирования и компьютеризированного структурированного интервью, метод статистической проверки гипотез с помощью двухвыборочного t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МАСС-МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

1.1. Политический дискурс и масс-медиаальный дискурс: к определению понятия

1.1.1. Специфические черты политического дискурса

Сфера политики чрезвычайно сложна своей организацией, она коллективна, поэтому массовая коммуникация между государством и гражданами необходима. Среди конститутивных характеристик политической коммуникации можно выделить, односторонность (от коммуникатора к реципиенту), публичность, нестабильный и неоднородный характер аудитории. В процессе развития государства и в результате усложнения общего политического процесса манипуляционное воздействие приобретает огромное значение. Цель нашего исследования – изучить манипуляцию в политическом дискурсе СМИ, поэтому прежде, чем переходить к определению самого понятия манипуляции, следует охарактеризовать политический дискурс СМИ, находящийся на стыке политического и масс-медиаального дискурсов.

Сторонники семиотического подхода определяют политический дискурс как особую знаковую систему, в которой происходит преобразование семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал, 2000].

А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич считают, что политический дискурс формирует «совокупность речевых актов, которые используются в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, основанных на традициях и опыте...» [Баранов, Казакевич, 1991: 6].

Некоторые исследователи говорят о том, что, несмотря на наличие определенных стилистических, интеракционных или тематических маркеров, благодаря которым можно выявить отличительные особенности политического дискурса, нельзя разработать типологию политического дискурса, принимая во внимание исключительно вербальные свойства.

Т.А. ван Дейк [Dijk, 1999] характеризует политический дискурс как единство жанров политического домена и противопоставляет его некоторым другим типам дискурса – образовательному дискурсу, юридическому дискурсу и дискурсу СМИ. При этом нельзя сказать, что домен политики характеризуется четкостью границ, поскольку сам термин «политика» имеет самые разнообразные трактовки. Тем не менее, Т.А. ван Дейк настаивает на том, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, поэтому предлагает исследовать следующий перечень социальных категорий, которые могут составить контекст для функционирования некоего текста как политического дискурса:

1. социальный домен или поле (societal domain or field),
2. политические системы (political systems),
3. политические ценности (political values),
4. политические идеологии (political ideologies),
5. политические институты (political institutions),
6. политические организации (political organizations),
7. политические группы (political groups),
8. политические деятели (political actors),
9. политические отношения (political relations),
10. политический процесс (political process),
11. политические действия (political actions),
12. политический дискурс (political discourse),
13. политическая когниция (political cognition) [Dijk, 2001].

Отличительными признаками политического дискурса являются *институциональность* (политические субъекты являются представителями различных институтов), *конвенциональность* (клише, идиомы, система политических термины), *идеологичность* (традиционная связь политики и идеологии, под которой понимается система социальных представлений, групповых знаний, верований, мнений) и *интертекстуальность* (свойство производства политических текстов в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм).

Кроме того, одним из важнейших критериев определения политического дискурса в ряду других видов дискурса является его «нацеленность» на выполнение конкретных функций в политическом процессе или действии.

Основной функцией политического дискурса можно считать его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

Г. Сайдел выделяет следующие функции политического дискурса: *персуазивная, аргументативная, персуазивно-функциональная, дистанцирующая, функция группового объединения* [Seidel, 1985].

П.Чилтон и К. Шеффнер говорят о четырех типах стратегических функций политического дискурса:

1. принуждение,
2. сопротивление, оппозиция, протест,
3. симуляция (контроль над информацией),
4. легитимизация (аргументация желаний аудитории, общие идеологические принципы, проекция харизматического лидера, позитивная самопрезентация) и делегитимизация (репрезентация других, которая носит негативный оттенок: иностранцы, «внутренние враги», институциональная оппозиция, неофициальная оппозиция) [Chilton, Schaeffner, 1997].

Согласно Е.И. Шейгал, политический дискурс характеризуется следующими функциями:

1. функция социального контроля,
2. функция легитимизации власти,
3. функция воспроизводства власти,
4. функция ориентации,
5. функция социальной солидарности,
6. функция социальной дифференциации,
7. агональная функция,
8. акциональная функция [Шейгал 2000; цит. по: Филинский, 2002].

Д. Грейбер отмечает три основных функции политического дискурса:

1. распространение информации (information dissemination),
2. установление темы (agenda setting),
3. проекция в будущее и прошлое (projection to future and past) [Graber 1981; цит. по: Филинский, 2002].

В политической коммуникации выделяют два уровня смысла: уровень прямо сказанного слова и уровень априорных посылок. Определяющая характеристика политического дискурса – «борьба за власть», которая предполагает привлечение как можно большего числа сторонников на свою сторону, поэтому субъекты политики должны создать дискурсивную реальность, которая удовлетворяла бы потребностям, интересам и ожиданиям аудитории. Кроме того, политический текст должен характеризоваться простотой понимания, чтобы быть понятым каждым [Алтунян, 1999].

1.1.2. Политический дискурс СМИ как разновидность политического дискурса

Материалом нашего исследования стали тексты статей на английском языке, освещающие политическую ситуацию в Восточной Европе. Стоит отметить, что зачастую понятия «медиа дискурс», «массовая коммуникация» и «публичный дискурс» используются исследователями как синонимичные. Подобная ситуация обусловлена характером адресации, ведь публичный дискурс, в глобальном его понимании, ориентирован на массового адресата. Тем не менее, адресатом данного дискурса может быть также множественный адресат, поэтому публичный дискурс подразумевает под собой не только массовое, но и публичное общение. Говоря о публичном общении, авторы имеют в виду ситуации непосредственной коммуникации адресанта с множественным адресатом, т.е. обширной и неоднородной аудиторией [Анисимова 2002; цит. по: Воронцова, 2008].

Массовая коммуникация предполагает только опосредованную коммуникацию через СМИ. А.А. Леонтьев описывает специфику массовой коммуникации следующим образом:

1. коммуникатор не может контролировать реакцию аудитории,
2. аудитория является очень разнородной и рассредоточенной психологически, поэтому ее трудно заинтересовать,
3. теле- и радио аудитория практически не поддается «заражению»,
4. посредством СМИ происходит дистрибутивное общение: адресант ориентирован на множественного адресата, который воспринимает данное общение как межличностное,
5. выступающий вынужден принимать во внимание разный уровень аудитории [Леонтьев 1999; цит. по Воронцова, 2008].

Публичный дискурс предполагает как опосредованную СМИ коммуникацию с массовым адресатом, так и непосредственную – с

множественным. В силу характера адресации публичный дискурс характеризуется тематическим ограничением: весьма обширная аудитория должна быть заинтересована в предмете публичного дискурса. Именно интересы адресата определяют тематику публичного дискурса, которая может включать, помимо политики, также и сферы экономики и здравоохранения, вопросы этики и морали [Воронцова, 2008].

Важным отличительным фактором является образ адресанта. Ю.В. Рождественский считает: дискурс СМИ имеет дело с коллективным речедеятелем, который противопоставлен индивидуальному [Рождественский, 1997]. Адресант в публичном дискурсе – это всегда индивидуальный речедеятель, который очень компетентен в коммуникативном аспекте. Адресант (журналист, политик, писатель), как правило, профессионально связан с речевой деятельностью и, обладая авторитетом в обществе, может оказывать влияние на мнение этого общества [Воронцова, 2008].

По мнению многих исследователей, целесообразно говорить о пересечении дискурса СМИ и политического дискурса, поскольку они обладают множеством сходных черт. Таким образом, в области пересечения политического дискурса и дискурса СМИ возникает политический дискурс СМИ, который определяется К.В. Никитиной как сложное явление, имеющее своей целью установление за счет формирования общественного мнения. Предназначение политического дискурса СМИ – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Политическая власть осуществляется посредством языка, который помогает политику манипулировать сознанием аудитории [Никитина, 2006].

Т.А. ван Дейк, в свою очередь, подчеркивает, что обязательным признаком политического дискурса является его публичность, нацеленность на массового адресата [Dijk, 2006].

Политический дискурс СМИ можно отнести к политическому дискурсу или «дискурсу в политической сфере» [Базылев, 1998: 7], «любым речевым

образованиям, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004: 23]. По мнению многих лингвистов, основная функция политического дискурса СМИ – регулятивная. Безусловно, любой текст оказывает определенное воздействие на сознание адресата, однако для политического текста речевое воздействие – это сама цель коммуникации, которую достигают адресанты с помощью самых разнообразных языковых средств [Паршин, 1987].

1.2. Манипуляция как вид речевого воздействия

Речевое воздействие в широком смысле – воздействие на индивидуальное или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке. Иногда понятие «речевое воздействие» включает в себя использование сообщений, построенных средствами, так называемых, паралингвистических семиотических систем, к которым относятся, прежде всего, жесты, мимика и позы, а также, в случае письменной коммуникации, средства графического оформления текста.

В узком смысле под речевым воздействием понимают использование особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения.

В настоящее время нет единого подхода к пониманию манипуляции. Многие авторы говорят о манипуляции как о речевом воздействии, стратегии, технике, практике и т.д.

Е.Л. Доценко определяет манипуляцию следующим образом: «Это вид психологического воздействия, используемый для достижения

одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [Доценко, 2000: 53].

Кроме того, Е.Л. Доценко приводит определения манипуляции, составленные различными авторами. Представим некоторые из них в Таблице 1:

Таблица 1. Определения понятия «манипуляция»

Авторы	Определение
Бессонов Б.Н.	Форма духовного воздействия скрытого господства, осуществляемая насильственным путем.
Волкогонов Д.А.	Господство над духовным состоянием, управление изменением внутреннего мира.
Гудин Р.	Скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого.
Йокояма О.Т.	Обманное косвенное воздействие в интересах манипулятора.
Рудинов Дж.	Побуждение поведения посредством обмана или игрой на предполагаемых слабостях другого.
Сагатовский В.Н.	Отношение к другому как к средству, объекту, орудию.
Шиллер Г.	Скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения.

При этом Е.Л. Доценко также говорит о критериях или признаках, используемых для определения манипуляции:

1. неявно, скрыто, обман;
2. эксплуатация, господство;
3. управление, контроль;
4. принуждение, применение силы;
5. использование другого в качестве объектов, вещей и др.

[Доценко, 2000].

В.М. Герасимов дает следующее определение манипулированию – «особый метод социально-психологического контроля» [Герасимов, 1999: 45].

О.Н. Быкова определяет речевую манипуляцию следующим образом: «Речевое манипулирование – это скрытое внедрение в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с имеющимися у него на данный момент. В основе речевого манипулирования лежат определённые психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют зарождению иллюзий или заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Речевое манипулирование – это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Речевое манипулирование предполагает, что адресат воспринимает оказываемое на него воздействие как составляющую объективной информации» [Быкова, 1999: 99].

Г.Шиллер в работе «Манипуляция и запрограммированное сознание» говорит о том, что лишь незаметная манипуляция сможет возыметь наибольшее воздействие. Манипуляция успешна, если жертва верит, что все происходящее естественно и неизбежно <...>, т.е. безоговорочно верит в существование фальшивой действительности [Шиллер, 2007].

По мнению П.Б. Паршина, манипулирование – это «вид взаимодействия, при котором манипулирующий сознательно пытается осуществить контроль над поведением манипулируемого, который не считает себя объектом манипуляции, побуждая его вести себя определенным образом» [Паршин, 2000: 57].

Т.А. ван Дейк в статье «Discourse and Manipulation» рассматривает манипуляцию как разностороннее явление. Согласно Т.А. ван Дейку, манипуляция – это коммуникативная и интерактивная практика, которая предполагает, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми, как правило, против их воли. Главное свойство манипуляции – это злоупотребление властью. Манипулятор, преследуя собственные цели, заставляет людей совершать определенные

поступки, которые лежат в сфере интересов манипулятора и противоречат интересам манипулируемых [Dijk, 2006]. Подобное влияние может распространяться посредством изображений, фотографий, фильмов и СМИ [Van Leeuwen 2005; цит. по: Т.А. van Dijk, 2006].

Манипуляция – это своеобразная форма убеждения. Различие заключается в том, что убеждение подразумевает то, что собеседники имеют возможность думать и действовать, согласно собственным взглядам и воззрениям, исходя из того, принимают они или нет аргументы убеждающего. Манипуляция, в свою очередь, делает из манипулируемых жертв, лишенных возможности понимать реальные умыслы и намерения манипулятора и не осознающих всех последствий, которые повлекут за собой поступки и взгляды, навязываемые им манипулятором [Wodak 1987; цит. по: Т.А. van Dijk, 2006].

Т.А. ван Дейк говорит о том, что следует различать легитимные и нелегитимные социальные практики. Легитимные подразумевают информирование, а нелегитимные включают в себя все формы взаимодействия, которые находятся в сфере интересов одной стороны и против интересов реципиентов. Манипуляция, настаивает Т.А. ван Дейк, является нелегитимной социальной практикой, которая создает неравенство в любом демократическом обществе [Dijk, 2006].

Многие исследователи также подчеркивают, что манипуляция не оказывает одинакового воздействия на всех людей, которые ей подверглись. Одно и то же сообщение может быть в разной степени манипулятивным. Кроме того, один и тот же человек может быть более или менее подвержен манипуляции в разных жизненных обстоятельствах.

Т.А. ван Дейк рассматривает манипуляцию с трех разных сторон:

1. манипуляция как социальный феномен, поскольку подразумевает интеракцию и злоупотребление властью между отдельными людьми или целыми социальными группами;

2. манипуляция как когнитивный феномен, т.к. манипулятор оказывает воздействие на сознание людей;
3. дискурсивно-семиотический феномен, поскольку манипуляция осуществляется посредством текста, беседы или визуальной информации.

Т.А. ван Дейком Выделяются следующие социальные условия манипуляции:

1. принадлежность к определенной социальной группе,
2. институциональная позиция,
3. профессия,
4. материал,
5. символы.

Например, родители могут манипулировать своими детьми в силу своей позиции, которая подразумевает наличие власти и авторитета в семье. Однако дети также могут манипулировать родителями благодаря другим социальным условиям [там же].

Мощнейшим социальным ресурсом манипуляции являются средства массовой информации и публичный дискурс, доступ к которым имеют влиятельные политики, журналисты, писатели и известные личности. Публичный дискурс включает в себя дебаты, новости, прессу, Интернет, телевидение и др. Социальные группы осуществляют манипуляцию посредством убеждения, информирования, образования, инструктажа и других социальных практик, целью которых является оказание влияния на взгляды и убеждения реципиентов.

Говоря о том, что манипуляция – это когнитивное явление, Т. ван Дейк выделяет следующие виды манипулирования когницией:

1. *Манипулирование краткосрочной памятью (manipulating short term memory)*, осуществляемое с помощью специфических текстовых и речевых характеристик, таких как заголовки, названия и слоганы.

Вышеупомянутые приемы используются также и в легитимных формах коммуникации, поэтому вывод таков: с когнитивной точки зрения манипуляция не представляет собой ничего особенного и реализуется с помощью привычных приемов. Отличительная черта манипуляции заключается в том, что манипулятор стремится акцентировать внимание манипулируемого на нерелевантной информации, поэтому достигается лишь частичное неполное понимание. Дискурсивные характеристики манипуляции подразумевают разносторонний анализ: фонетический, фонологический, морфологический, синтаксический, лексический, операционный (например, слишком быстрая и неразборчивая речь, намеренно усложненные синтаксические конструкции, слишком абстрактные слова и выражения).

2. *Эпизодическая манипуляция (episodic manipulation)*. Данный вид манипуляции предполагает, что влияние оказывается на эпизодическую память (воспоминания о конкретных коммуникативных ситуациях). Приводит к формированию ментальных моделей, хранящихся в эпизодической памяти, включая наши собственные эмоции и переживания, связанные с данными коммуникативными событиями. Ментальная модель – уникальна по своей природе. Манипуляторы формируют у манипулируемых определенные ментальные модели, акцентируя внимание на выгодной для них информации, которая лежит непосредственно в сфере их интересов, и умалчивая информацию, противоречащую целям и намерениям манипуляторов.
3. *Манипулирование социальной когницией (manipulating social cognition)*. Данная разновидность когнитивной манипуляции подразумевает манипулирование идеологическими воззрениями, моральными нормами и ценностями, так называемыми *социальными репрезентациями (social representations)*. Социальные репрезентации имеют форму скриптов и составляют основу любой социальной группы

(любые политические партии, феминистки, коммунисты, шовинисты и т.п.). Социальные репрезентации оказывают непосредственное влияние на ментальные модели человека. Например, пацифист через призму собственных убеждений охарактеризует ситуацию следующим образом: США осуществили военное нападение на Ирак.

Манипулирование социальной когницией реализуется с помощью таких стратегий, как обобщение (generalization) и стратегия использования знания (the strategy of using knowledge) [Dijk, 2006].

Многие авторы, говоря о модели манипуляции, используют термин «дискурсивный комфорт», под которым понимается максимальное совпадение конструкторов дискурсивных реальностей при номинации ожидаемых реципиентом личностных когнитивных структур (верований, мнений, суждений, предубеждений), т.е. манипулятор должен в максимальной степени приблизиться к реальности реципиента. Чем ближе реальность, в которой живет реципиент, и созданная манипулятором реальность, тем выше уровень комфорта.

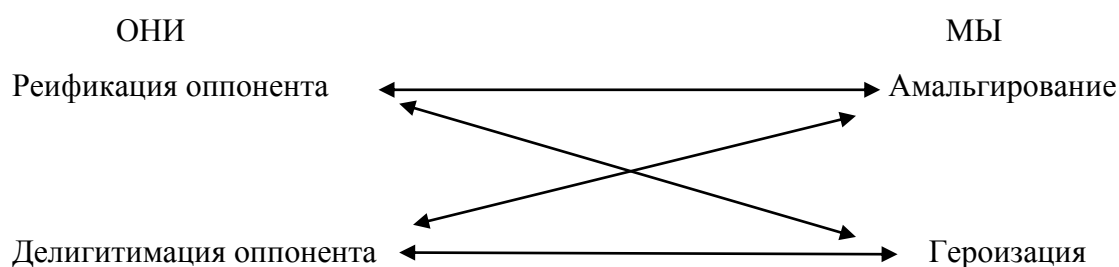
«Своя реальность» складывается из взаимодействия трех компонентов:

1. «я свой» – положительная самопрезентация в рамках когнитивных представлений реципиента;
2. «свои ценности» – когнитивные предпочтения;
3. «враги» – разрушители наших ценностей.

В политической коммуникации продуктом познавательного процесса являются социально-политические представления [Дилигенский, 1996]. Манипуляция строится на уже существующих стереотипах, предубеждениях и верованиях.

Основные стратегии манипуляции и их взаимопроникновение сводятся А.А. Филинским к следующей схеме [Филинский, 2002]:

Схема 1. Взаимопроникновение стратегий манипуляции

Охарактеризуем вышеупомянутые стратегии манипуляции в Таблице 2:

Таблица 2. Стратегии манипуляции

Они	Мы
<p><i>Реификация</i> – разрушение образа оппонента, формирование образа врага, который виновен в сложившейся негативной ситуации [Водак; 1997].</p>	<p><i>Амальгирование</i> – интеграция с какой-либо социальной группой (мы-дискурс) с помощью следующих приемов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Личные и притяжательные местоимения мы\наш, 2. Лексемы со значением совместности (вместе, единство), 3. Собирательные лексемы с компонентом совместности (друзья, товарищи, сограждане), 4. Этнонимы (россияне, красноярцы) и др. [Wodak, Seldak; 2000].
<p><i>Делигитимация</i> – дегуманизация противника, проявление и выработка отрицательных ассоциаций с соответствующими объектами коммуникации. Проявляется в языковой агрессии.</p>	<p><i>Героизация</i> – пропозиционирование основного тезиса «Я/он – хороший» с помощью, подчеркивая высокие морально-этические качества, осуществляемую деятельность в интересах народа, высокую профессиональную компетентность, достижения, непримиримость к нарушителям общих ценностей [Филинский, 2002].</p>

С.А. Зелинский в книге «Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание» выделяет следующие способы

манипуляции психологическим сознанием ссыла [Зелинский, 2008: 337-347]:

1. *Принцип первоочередности.* Человек доверяет информации, поступившей в обработку сознанием первой – эффект восприятия первичной информации как истинной. Подобный принцип успешно применяется в политических технологиях, когда посредством СМИ распространяется некий компромат на конкурента, формируя у избирателей негативное мнение о нем и заставляя конкурента оправдываться.
2. *«Очевидцы» событий.* Якобы очевидцы события сообщают определенную информацию, заранее переданную им манипулятором.
3. *Образ врага.* Толпой легче управлять, когда она погружается в состояния, схожие с измененными состояниями сознания, поэтому манипуляторы искусственно создают угрозу, которая якобы исходит от врага.
4. *Смещение акцентов.* Манипулятор делает акцент на информации, которая выгодна для него, а нежелательная информация остается на втором плане.
5. *Использование «лидеров мнений».* Индивиды ориентируются на лидеров мнений, в качестве которых могут выступать авторитетные для населения фигуры.
6. *Переориентация внимания.* Необходимая для сокрытия информация отходит в тень намеренно высвечиваемых событий, служащих отвлечению внимания, таким образом, представляется возможным осветить практически любую информацию, не опасаясь за негативное влияние, которое она может оказать на аудиторию.
7. *Эмоциональное заражение.* Психика индивида характеризуется эмоциональной заряжаемостью, поэтому эффективная манипуляция

- должна быть направлена на чувства человека, чтобы отключить его разум и заставить переживать по поводу услышанной информации.
8. *Показная проблематика.* В зависимости от подачи одних и тех же материалов можно добиваться различных, даже противоположных мнений у аудитории. Данный вид манипуляции заключается в искусственном раздувании несуществующих проблем, за которыми не замечаются наиболее важные.
 9. *Эффект «информационного шторма».* На индивида обрушивается огромный поток ненужной и бесполезной информации, в котором теряется истина.
 10. *Обратный эффект.* Выброс такого количества негативной информации в адрес какого-либо деятеля, что эта информация достигает прямо противоположного эффекта, и вместо ожидаемого осуждения подобный деятель начинает вызывать жалость.
 11. *Будничный рассказ, или зло с человеческим лицом.* Информация, которая может вызвать нежелательный эффект, произносится обычным тоном и теряет свою актуальность у слушателей.
 12. *Односторонность освещения событий.* Высказывается лишь одна сторона процесса, в результате чего достигается ложный смысловой эффект получаемой информации.
 13. *Одобрение мнимого большинства.* Человеческая психика более охотно считает допустимыми какие-либо действия после одобрения их другими индивидами.
 14. *Экспрессивный удар.* Намеренное транслирование ужасов современной жизни, что вызывает реакцию протеста, и желание во что бы то ни стало наказать виновных.
 15. *Искусственное присчитывание ситуации.* Намеренное распространение различной информации для отслеживания интереса общественности к данной информации. Информация, не получившая актуальность, в последующем исключается.

16. *Манипулятивное комментирование*. Освещая определенное событие, манипулятор преподносит информацию в выгодном для себя свете.

17. *Повторение*. Данный способ заключается в многократном повторении какой-либо информации, чтобы подобная информация отпечаталась в сознании аудитории. Повторяемый текст должен быть максимально упрощен и доступен для восприятия. Передаваемая информация сначала прочно закрепляется в подсознании слушателей, а потом оказывает влияние на их сознание.

18. *Правда – наполовину*. Публике преподносится только часть достоверной информации, в то время как другая часть, объясняющая возможность существования первой части, манипуляторами утаивается.

Кроме того, автор упоминает такие способы манипуляции как ложные аналогии, недоступность информации, ложный накал страстей, удар на опережение, принцип контраста, эффект правдоподобия [там же].

Отметим, что выделяемые различными исследователями техники и способы манипулятивного воздействия всегда имеют свое дискурсивное воплощение, поскольку манипуляция – это процесс социальный и семиотический одновременно.

Обращаясь к анализу манипуляции с дискурсивно-коммуникативных позиций, С. Бордунова выделяет основные, на ее взгляд, техники манипуляции в монологе (речи политиков) [Бордунова, 2010]:

1. *Выбор ключевых слов.*
2. *Повторы, риторические фигуры и тропы.*
3. *Мемное конструирование тезисов и «фраз-ловцов»* (мем – это единица культурной информации, которая вызывает в сознании реципиента четкий рефлекторный образ, например, цитата из фильма, рекламный слоган). Мем передается от человека к человеку и живет до тех пор,

пока жив хотя бы один носитель. Строятся на принципах легкого запоминания.

4. *Саундбайтинг* – создание по мемному принципу яркой фразы, выражающей содержание того или иного фрагмента текста или текста целиком.
5. *Создание упрощенных и лживых абстрактных образов* для иллюстрации тезисов.
6. *Нумерация*, работающая по мемному принципу.
7. *Стиль звуковых сообщений*.

Многие авторы рассматривают манипуляцию на различных языковых уровнях: грамматическом, морфологическом или синтаксическом.

На фонографическом уровне речевая манипуляция осуществляется с помощью особого звукового и графического оформления сообщения. Фонетические средства (интонация, тембр, паузы) используются, главным образом, в устной речи. Мы сделаем акцент на фонографических инструментах письменной манипуляции, поскольку материалом нашего исследования являются тексты печатных изданий.

Некоторые инструменты фонографического уровня характерны для устной и письменной речи: аллитерация, рифмизация и ритмизация. Другие инструменты речевой манипуляции на фонографическом уровне не имеют аналогов в письменной речи. Однако некоторые из таких средств (интонация, регистр голоса, темп речи и паузация) можно компенсировать с помощью графических средств: пунктуация, метаграфические средства (подчеркивание, выделение шрифтом, заглавные буквы).

Лексические средства речевой манипуляции являются наиболее распространенными, представим наиболее распространенные из них в Таблице 3:

Таблица 3. Лексические средства речевой манипуляции

Средство	Объяснение
Лексико-семантические	
Номинализация	Превращение мотивирующей конструкции с глаголом в отглагольное имя, средство обезличивания действия.
Конверсивы	Слова, которые одно и то же событие показывают с разных точек зрения.
«Слова-амебы» или «прозрачные» слова	Не связанные с контекстом реальной жизни, которые могут употребляться практически в любом контексте, т.к. не связаны с реальными предметами и явлениями [Кара-Мурза, 2003]. Обозначают абстрактное понятие, не имеющее конкретного содержания [Власов, 1976].
Неологизмы	Передают более точное значение или, наоборот, маскируют его, приближаясь к словам-амебам или терминам, но в любом случае, они всегда приковывают внимание читателя.
Коннотация, способствующая манипуляции	<ol style="list-style-type: none"> 1. оценочная (вынесение оценки без прямого проявления), 2. эмотивная (апелляция к эмоциям адресата), 3. экспрессивная (передача смысла с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего) [Арнольд, 1975], 4. стилистическая (лексические единицы, значение которых дополнено стилистической составляющей; создают эффект иронии, сарказма, повышают экспрессивность текста, создают стилистический контраст), <p>идеологическая (отражает определенные политические, идейные, социальные, экономические представления) [Никитина, 2006].</p>
Эвфемизмы	Представление реальности в более благоприятном свете. Целью политических эвфемизмов является замалчивание и введение в заблуждение [Гальперин, 1981].
Дисфемизмы	Грубые или непристойные обозначения изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи.

Средство	Объяснение
Софистицизмы	Сложная, непривычная аудитории лексика.
Варваризмы	Слово из чужого языка или оборот речи, построенный по образцу чужого языка, нарушающий чистоту речи.
Лексико-синтаксические	
Перифразы и уточнения	Используются с целью – выделить некоторый аспект многогранного явления (лица, предмета, ситуации), сконцентрировать внимание на одной его черте.
Лексико-прагматические	
Различные формы адресации	Обращение к аудитории, как прием демагогии – особенно использование местоимения «солидарности» «мы».
Средства организации аргументации	Реализация стратегий создания легитимности, достоверности, создания доверия, привлечения внимания.

На грамматическом уровне инструменты манипуляции могут быть следующими: выбор грамматической формы, эллиптический язык, фигуры речи, особенности коммуникативных типов предложений и др. Морфологические средства подразумевают использование пассивного залога вместо активного, чтобы оставить за кадром ответственное лицо. Кроме того, важнейшую роль играют также дейктические средства: местоимения и дейктики времени и места (здесь и сейчас).

Выбор грамматической формы способен актуализировать действие (the Present tense вместо the Past tense), придать динамизм и эмоциональность (continuous forms), выразить отношение к возможности, желательности, необходимости некоего события (сослагательное наклонение).

Манипуляция также осуществляется с помощью синтаксических средств: эллиптические и параллельные конструкции, инверсия и обособление.

Из четырех коммуникативных типов предложений помимо повествовательных в политическом дискурсе СМИ часто используются вопросительные предложения. Таким образом, речевая манипуляция на

грамматическом уровне использует как возможности морфологических категорий и форм, так и синтаксических конструкций и категорий.

1.3. Манипуляция в поляризованном дискурсе

Впервые о поляризованном дискурсе, как о важнейшем инструменте распространения социального неравенства, заговорили еще представители критического дискурс-анализа Т.А. ван Дейк, Н. Фэркло и др. Т.А. ван Дейк, в частности, говорил об идеологическом квадрате (*ideological square*), который отражает стратегию поляризации, реализуемую четырьмя тактиками:

1. подчеркивание собственных позитивных характеристик / действий,
 2. подчеркивание негативных характеристик / действий оппонента,
 3. смягчение собственных негативных характеристик / действий,
 4. смягчение позитивных характеристик / действий оппонента
- [Dijk, 1998: 33].

Западные авторы определяют политическую поляризацию как «отхождение от центра к крайностям в политических предпочтениях» (“movement away from the center toward the extremes”) [Fiorina, Abrams, Pope; 2008: 567]. Современные лингвисты – Ноэм Хомский и Славой Жижек – определяют дискурсивную поляризацию как метод манипуляции, позволяющий оказывать влияние на политические воззрения на массовом уровне. Данная методика реализуется политической элитой через внутренние каналы коммуникации или «дружественные» СМИ, создает и распространяет конкретные ментальные модели, которые заставляют людей острее чувствовать свою принадлежность к «своим» (хорошим) и отторжение к «чужим» (плохим). Кроме того, создается образ «своих», за которым стоят взгляды правящей элиты, преподносящиеся как «общее благо». В этих

ментальных моделях присутствует страх (угроза безопасности, интервенции), помогающий доносить эмоциональные аргумент до большей части населения.

Поляризованный дискурс, пропагандируя стереотипные представления об оппоненте и очерняя его репутацию, способствует делению общества на две группы – своих (in-groups) и чужих (out-groups) [Eissa et al., 2014]. Иными словами, в поляризованном дискурсе чрезвычайно сильна идеологическая составляющая. Принимая во внимание вышесказанное, мы предполагаем, что манипуляция, как механизм позитивного представления себя и негативного представления оппонента, ярче всего должна проявляться именно в поляризованном дискурсе.

Наше исследование имеет непосредственное отношение к поляризованному дискурсу, поскольку наиболее поляризованным и идеологизированным из всех традиционно считается новостной дискурс. Материалом для нашей работы послужили новостные статьи американского издания the Washington Post, the New York Times и российского новостного портала Russia Today. The Washington Post и the New York Times – это старейшие американские издания, содержащие срочные новости, репортажи на животрепещущие национальные и международные темы, очерки и комментарии. Целевая аудитория – среднестатистический американец, интересующийся ситуацией в США и мире. Russia Today – российская международная многоязычная информационная компания. Нами анализировались статьи новостного интернет-портала на английском языке, целевой аудиторией которого являются иностранные граждане, заинтересованные во внутренней и внешней политике РФ.

Нами были отобраны статьи, освещающие политическую ситуацию на Украине. Это достаточно провокационная тема для современного поляризованного мира. По мнению западных политиков и журналистов, российские власти развязали гражданскую войну на Украине, насильственно

присоединили Крым, вмешались в дела другого государства, а также поддерживали повстанческие силы.

С другой стороны, в российских СМИ активно пропагандируются идеи «США – подстрекатель», «Украина – жертва», «Россия – миротворец». Российские власти оправдываются: Крым – исторически территория Российской Федерации, люди путем демократического референдума приняли решение о воссоединении с Россией, а люди в самопровозглашенных республиках нуждаются в гуманитарной помощи.

Таким образом, мы предполагаем, что в данных статьях будет наблюдаться объемный пласт манипулятивной лексики, а также самые разнообразные средства манипуляции, поэтому мы сможем выделить достаточное количество маркеров манипуляции, которые впоследствии будут использованы при компьютерной обработке естественного языка для создания классификатора текстов.

1.4. Инструментарий дискурс-анализа для выявления коммуникативной манипуляции

Манипуляция разворачивается в рамках дискурса, поэтому для выявления манипулятивного воздействия необходимо рассмотреть инструментарий дискурс-анализа.

Одним из первых представляет свое понимание дискурсивного анализа Т.А. ван Дейк, на концепцию которого мы будем опираться в нашем исследовании. Согласно Т.А. ван Дейку, дискурсивный анализ включает в себя два аспекта:

1. текстуальный анализ, то есть структурный анализ текста на всех его уровнях;
2. контекстный (контекстуальный) анализ: структура текста определяется характером контекста.

1.4.1. Текстуальный анализ

Т.А. ван Дейк в текстуальном анализе выделяет уровни микроструктур и макроструктур. На микроструктурном уровне рассматриваются особенности текста на всех языковых уровнях – фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом [Dijk, 1998].

Макроструктуры, говорит он, выводятся из значений предложений текста с помощью селекции, обобщения и конструирования, а также приписываются на основе собственных знаний и убеждений. Исходя из этого, делается вывод, что макроструктуры не являются универсальными, они варьируются в зависимости от субъекта. Т.А. ван Дейк также отмечает, что при выполнении текстуального анализа необходимо учитывать риторический аспект, который оказывает влияние на все структурные уровни [там же]. Единицы анализа на каждом языковом уровне представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Текстуальный анализ (структурный анализ текста на всех уровнях)

Уровень	Единицы анализа
Уровень микроструктур	
Фонетический	<ul style="list-style-type: none">— <i>ударение</i> (возможность подчеркнуть или затушевать некоторые высказывания),— <i>интонация</i> (с ее помощью определяется коммуникативная направленность высказывания),— <i>высота тона</i>,— <i>громкость</i>,— <i>темп</i>,— <i>смех</i> и т.п. <p>Анализ всех составляющих звуковой оболочки дискурса не всегда возможен за неимением звуковой записи последнего.</p>

Уровень	Единицы анализа
Синтаксис предложения	<p>Релевантными для дискурсивного анализа будут лишь те синтаксические конструкции, использование которых варьируется в зависимости от жанра текста и контекста.</p> <p>Синтаксис предложения может отражать распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо использованием активных или пассивных форм.</p> <p>По мнению М. В. Новиковой-Грунд, синтаксические конструкции являются действенным приемом манипуляции. Выделяются синтаксические конструкции:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) в которых субъект действия отсутствует в принципе (<i>безагенсные</i>); 2) грамматически наличествует, но семантически расплывчат и неопределён, поскольку выражен неодушевлённым существительным с абстрактным собирательным значением (<i>псевдоагенсные</i>). <p>Текст, содержащий большое количество безагенсных и псевдоагенсных конструкций, заведомо воспринимается как несущее истину сообщение, даже если сообщением в прямом смысле не является и не имеет отношение к истине.</p>
Графический	<ul style="list-style-type: none"> — <i>жирный шрифт,</i> — <i>курсив,</i> — <i>подчеркивание,</i> — <i>заглавные буквы,</i> — <i>цветовое оформление.</i>
Морфологический	<p>Является нерелевантным в обсуждении политического дискурса, поскольку специфическое словообразование не может быть названо его отличительной особенностью.</p>

Уровень	Единицы анализа
Семантика и лексика	<p>Определяется, как и какие лексические единицы используются в высказывании. Особое внимание обращается на слова употребляемые для обозначения или описания участников дискурса, их действий и характеристик.</p> <p>То или иное событие может быть описано абстрактно или детально, в зависимости от того, какой эффект мы надеемся получить. Например, чтобы показать себя в более выгодном свете, автор подробно рассказывает о своих достоинствах и использует общие, абстрактные выражения для упоминания недостатков.</p> <p>Семантические группы глаголов:</p> <ul style="list-style-type: none"> — <i>внешние предикаты</i> описывают ситуацию, свидетелем которой в принципе способен быть посторонний наблюдатель, обращены к зрению и слуху (глаголы движения, говорения и т.п.); — <i>внутренние предикаты</i> – характеризуют ситуацию, которая не может быть зарегистрирована никакими органами чувств и известна лишь тому, кто ее переживает (знал, понимал, хотел, надеялся и т.п.); политик, который использует данные глаголы отождествляется в глазах аудитории с ней самой; — <i>промежуточная группа предикатов</i> – апеллируют ко всем органам чувств, кроме зрения и слуха (вкус, обоняние, осязание); заставляют слушателя самоотождествляться с героем
Уровень макроструктур	
<ul style="list-style-type: none"> — Общие топики или темы текста, — когерентность текста. 	
Риторический аспект	<p>Существуют определённые приёмы для придания тексту большей убедительности (<i>стилистические приёмы и фигуры речи</i>):</p> <ul style="list-style-type: none"> — <i>ассонанс или рифма</i> (фонетический уровень), — <i>параллелизмы</i> (синтаксический уровень), — <i>сравнения, метафоры, гиперболы</i> (семантический уровень).

Т.А. ван Дейк говорит о том, что *синтаксис и семантика предложения в дискурсе* описываются с учётом структур и интерпретации содействующих, обычно предшествующих, предложений того же контекста. Он считает, что идеологически пристрастная точка зрения выражается не только в использовании определённых структур предложения, но также и в зависимости синтаксиса и семантики текста.

1.4.2. Контекстуальный анализ

Различные подходы предлагают разные категории контекстуального анализа. Однако большинство из них включают следующие категории:

- *обстоятельства (settings)*;
- *время (time)*;
- *место (location)*;
- *событие/действие (event/action)*;
- *участники (participants)*, признание участников дискурса социальными субъектами (*social actors*) и членами определенных социальных групп;
- *сфера деятельности (domain)*, участники коммуникации должны знать, в какой сфере протекает дискурс, чтобы правильно выбрать языковые средства в соответствии со сферой их деятельности;
- *роли участников дискурса (roles)*, Т.А. ван Дейк говорит о трёх типах ролей:
 - *коммуникативные роли (communicative roles)*, производители или потребители сообщения;
 - *роли взаимодействия (interactional roles)*, определяют различные ситуационные позиции участников по отношению друг к другу: враг – друг, оппонент – союзник;
 - *социальные роли (social roles)*, связаны с принадлежностью к той или иной социальной группе по этническому, половому,

возрастному, политическому, профессиональному и прочим признакам.

- *социальные отношения между участниками (social relations)*, формальные/неформальные отношения, отношения превосходства, могут быть выражены во многих аспектах речи (интонация, синтаксис, лексика, семантика, прагматика);
- *когнитивные характеристики участников* (их цели, убеждения, мнения). Т. А. ван Дейк выделяет:

- *идеологию*, система верований и убеждений, разделяемых определенной социальной группой;
- *знания*, социальные верования, признанные истинными в рамках какой-либо социальной группы
- *отношения*, убеждения по отношению к какому-либо конкретному объекту, взаимообуславливаются знаниями.

Ван Дейк описывает данные схемы термином *фрейм*. По Т.А. ван Дейку фреймы являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта и содержат, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с тем или иным концептом.

Таким образом, проанализировав две составляющие исследуемого дискурса, мы получим наиболее полную картину языковых и экстралингвистических особенностей и сможем оценить весь манипулятивный потенциал текстов. Текстуальный анализ материала будет представлен во второй главе диссертации, а особенности контекста в параграфе 1.7.

1.5. Социологический инструментарий для выявления коммуникативной манипуляции

Для проведения нашего исследования мы остановились на следующих методах исследования: анкетирование до чтения статьи и компьютеризированное структурированное интервью после прочтения статьи. Ниже мы охарактеризуем процедуру проведения и преимущества выбранных нами методов.

Первым этапом эксперимента стало анкетирование, мы использовали самозаполняемые анкеты. По многим параметрам самозаполняемая анкета и структурированное интервью похожи, однако одно явное различие все-таки имеется – отсутствие интервьюера. Самозаполняемая анкета, по сравнению со структурированным интервью, характеризуется меньшим количеством открытых вопросов, легким в обращении дизайном и краткостью. К преимуществам следует отнести: минимальные материальные затраты, быстрота применения, отсутствие влияния интервьюера и удобство для респондентов. Тем не менее, у данного метода есть и свои недостатки: отсутствие подсказок, отсутствие возможности проб, сложность при постановке других видов вопросов, невозможность собрать дополнительные данные и некоторые другие.

При анкетировании необходимо учесть следующее ссылка [Белл, Браймен, 2003]:

1. не допускайте громоздкость анкеты,
2. продумайте приятный внешний вид анкеты и ясную презентацию,
3. начинайте с наиболее интересных для респондента вопросов,
4. сопроводите анкету четкими инструкциями по заполнению,
5. преимущественно вертикальное расположение вариантов ответа,
6. расположите вопросы и ответы рядом.

Структурированное интервью – одна из множества форм исследовательских интервью, цель которой – стандартизировать процесс интервьюирования респондентов, для того, чтобы минимизировать различия между многочисленными интервью, относящимися к одному исследовательскому проекту. Контекст применения – социальное исследование. При проведении структурированного интервью подразумевается, что дизайн проведения интервью контролируется интервьюером, в вопросы доносятся до респондентов в одинаковом контексте для последующего объединения ответов. Обычно вопросы конкретны, нередко предлагается фиксированный диапазон ответов (закрытые вопросы). Преимуществом данного метода исследований является точность и легкость обработки данных, однако некоторые ученые критикуют методику структурированного интервью из-за ограниченного выбора вариантов ответа [Белл, Браймен, 2003].

Процедура проведения структурированного интервью:

1. установления контакта с респондентом и обоснование причин для участия в исследовании (устно или письменно);
2. урегулирование времени и деталей проведения интервью и достижение взаимопонимания с респондентом, гарантия конфиденциальности;
3. непосредственно интервьюирование (убедитесь в отсутствии вариаций при постановке вопросов и четкой их последовательности, корректности вопросов-фильтров);
4. соответствующие стили пробирования;
5. фиксация ответов (ответы необходимо записывать как можно точнее).

Следует помнить, что вопросы, идущие в начале, должны иметь прямое отношение к теме исследования, о которой респонденту нужно сообщить предварительно. Персональные или неловкие вопросы задаются, как правило, в конце интервью. С самого начала следует заинтересовать респондента, максимально поддержать его внимание. Общие вопросы должны предшествовать специфическим [там же].

Рассмотрим ошибки, которые зачастую совершают исследователи во время структурированного интервью:

1. Плохо сформулированный вопрос
2. Способ, который использует интервьюер для постановки вопроса
3. Неправильное понимание со стороны респондента
4. Проблемы с запоминанием, возникающие у респондента
5. Способ, который интервьюер использует для фиксации информации
6. Способ, которым обрабатывается информация [Леонтович, 2011].

Как мы уже отмечали ранее, и структурированное интервью, и анкетирование предполагают вопросы закрытого типа. К преимуществам закрытых вопросов можно отнести легкость в обработке результатов, установлении взаимосвязи между переменными и сравнении респондентов между собой, простоту для интервьюера и респондента, меньшая вероятность вариативности при фиксировании ответов. Среди недостатков отмечают потерю спонтанности в ответах, сложность в составлении взаимоисключающих вариантов ответа, неисчерпываемость вариантов ответа, отсутствие подходящего варианта среди предложенных [Белл, Браймен, 2003].

При разработке вопросов необходимо придерживаться следующих правил:

1. Всегда держите в уме исследовательские вопросы,
2. Определите, что вы хотите выяснить,
3. Подумайте, как Вы сами ответили бы на данный вопрос,
4. Избегайте употребления неоднозначных и технических терминов,
5. Избегайте слишком длинных, двусмысленных, излишне обобщенных и наводящих вопросов,
6. Уточните, обладает ли респондент необходимыми знаниями,
7. Убедитесь, что между закрытыми вопросами и ответами существует взаимосвязь [там же].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Данная глава посвящена теоретическим основам политического дискурса, рассмотренного во взаимодействии с масс-медиаальным дискурсом. Подробно анализировались различные подходы к определению понятия «манипуляция», при этом детально были представлены различные манипулятивные стратегии и инструментарий для выявления коммуникативной манипуляции, рассмотрено речевое манипулятивное воздействие в контексте поляризованного дискурса.

Кратко резюмируем все вышесказанное: в настоящей главе были проанализированы ключевые для нашего исследования понятия «политический дискурс СМИ», «манипуляция», «дискурс-анализ», рассмотрены особенности политического медиа дискурса, его признаки и функции, а также условия и средства манипуляции на различных языковых уровнях. Описана модель манипуляции и роль СМИ в процессе формирования манипулятивного воздействия.

В главе 1 мы обосновали дискурсивный и социологический инструментарий нашего исследования, описали выбранную нами экспериментальную методику. Была доказана важность и актуальность исследования.

Итоговый вывод главы 1 заключается в следующем: манипуляция как вид речевого воздействия является центральным понятием поляризованного политического дискурса СМИ, конститутивным признаком которого является борьба за власть и противопоставление «мы-они»; выявить вербальные средства манипуляции позволяет использование инструментария дискурс-анализа и социологических методов, в частности, анкетирования и интервьюирования.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА И ИХ ВАЛИДАЦИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕТРИК МАНИПУЛЯТИВНОГО ТЕКСТА

Прежде чем перейти к описанию нашей практической работы, представим в виде алгоритма её основные шаги.

На первом этапе нами была проведена сплошная выборка 100 текстов статей, посвящённых отношениям США и России на фоне украинского кризиса, из американских периодических изданий The New York Times, The Washington Post, The Daily Mail, The Daily Mirror. Определив, вслед за Т. ван Дейком, манипуляцию как коммуникативную и интерактивную практику, которая предполагает, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми, как правило, против их [Dijk 2006], мы предварительно категоризировали их как манипулятивные.

На втором этапе 20 русским респондентам, владеющим английским языком на сертифицированном уровне C1, согласно европейским уровням владения иностранным языком, была предложена одна статья из выборки, предварительно категоризированной как выборка манипулятивных текстов. Пред прочтением статьи респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую паспортную часть, а также ряд вопросов, призванных отразить знакомство респондентов с политическими новостями, отношение к политике в целом. После прочтения статьи с испытуемыми проводилось компьютеризированное структурированное интервью, в котором, в частности, предлагалось 1) определить эмоцию, чувство, которые респондент переживал во время прочтения статьи; 2) назвать устно или подчеркнуть в тексте статьи, те пассажи, которые запомнились, обратили на себя внимание. Все респонденты отметили негативные эмоции (досаду, гнев, обиду и т.д.) как доминантные чувства при прочтении статьи. Гипотеза состояла в том, что в таком случае в качестве самых запоминающихся пассажей текста респонденты, будучи представителями стороны «плохих» в оппозиции «Мы

– хорошие, они – плохие», выделяют наиболее манипулятивно сильные. Дискурс-анализ выделенных 20 респондентами пассажиров подтвердил их включённость в реализацию коммуникативных стратегий манипуляции, реализующих макропропозицию «Мы – хорошие, они – плохие», что позволило выделить первый список маркеров манипуляции. Мы назвали их «дискурсивными маркерами манипуляции» и в дальнейшем они составили обособленную группу маркеров.

Сузив в дальнейшем выборку за счёт только тех текстов, в которых присутствуют маркеры, выделенные респондентами, мы обратили внимание на частотность в таких текстах других лексических и лексико-морфологических средств.

Выделив из них 6 типов маркеров манипуляции, мы выдвинули гипотезу о то, что их можно использовать в качестве метрик для дальнейшей разработки компьютерного анализатора текстов, способного классифицировать тексты по уровню манипулятивности. Для проверки гипотезы мы провели статистический анализ её вероятности.

2.1. Критерий отбора текстов первой выборки

Тексты первой выборки отбирались нами в количестве 100 единиц по результатам контекстного анализа дискурса.

Напомним, что в рамках контекстуального анализа мы рассмотрели следующие составляющие: обстоятельства, время, место, событие/действие; участники, сфера деятельности, роли участников дискурса – коммуникативные роли, роли взаимодействия, социальные роли, социальные отношения между участниками, когнитивные характеристики участников – идеология, знания, отношения. Контекстуальный анализ нашего материала представлен ниже – в Таблице 5.

Таблица 5. Контекстуальный анализ статей западных СМИ

Обстоятельства	Ситуация политической напряжённости между западными странами и Россией
Время	Май 2014-май 2016 гг.
Место	США/ Россия/Украина
Событие, действие	Конфликт на Украине, присоединение Крыма к России
Участники	Российские и западные политики, журналисты, медийные персонажи
Сфера деятельности	Политика, масс-медиа
Роли участников	Украина – «жертва», Россия – «агрессор», США – «медиатор конфликта»/ Украина – «жертва», Россия – «миротворец», США – «provokator»
Социальные отношения между участниками	Конкурирующие политические силы
Когнитивные характеристики участников	<p>Знания</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Российское правительство, понимая, что США стремится усилить свое влияние в Евросоюзе, старается предотвратить это и занять лидирующую позицию на международной арене. 2. Правительство США в погоне за мировым господством старается всячески воспрепятствовать усилению про-российских настроений в Европе, осуждая внешнюю политику Российской Федерации. <p>Идеология</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. США пропагандирует идеи демократии и защиты прав человека во всем мире. 2. Россия защищает свою территориальную целостность.

Как видно из данной таблицы, для первой выборки мы отобрали статьи, освещающие военный конфликт на Украине, присоединение Крыма к России и некоторые другие события, напрямую связанные с гражданской войной на Украине и разворачивающиеся в период с мая 2014 и до настоящего времени (событие и время по Т.А. ван Дейку). Безусловно, отобранные статьи относятся к сферам политики и масс-медиа (сфера деятельности).

Участниками дискурса являются, в основном, политические деятели и средства массовой информации. Роли участников следует рассматривать с двух полюсов поляризованного дискурса. В дискурсе российских СМИ Украина является жертвой, разменной монетой в руках провокатора – США, а власти РФ несут миротворческую миссию. В Западном масс-медиаальном дискурсе Россия считается агрессором, а США – медиатором конфликта. Участники дискурса представляют собой конкурирующие политические силы (социальные отношения между участниками) и обладают определенными когнитивными характеристиками (знания и идеология). Российские власти стремятся усилить влияние РФ на международном уровне, поскольку понимают, что США прикладывают все усилия для того, чтобы занять лидирующую позицию в Европе и диктовать свои правила Европарламенту. США, преследуя такие же цели, в свою очередь, пытается обличить внешнюю политику РФ и воспрепятствовать распространению ее влияния в Евросоюзе (знания по Т.А. ван Дейку). При этом стоит отметить, что США активно пропагандирует идеи демократии и гуманитарных прав и свобод. Российские власти утверждают, что защищают территориальную неприкосновенность государства (идеология).

2.2. Дизайн экспериментальной работы

Для выявления дискурсивных маркеров манипуляции в предварительно проанализированных нами при помощи инструментария дискурс-анализа (первая серия текстов) поляризованных политических и категоризированных как манипулятивные было проведено экспериментальное исследование с использованием методики социолингвистического анкетирования, подразумевающей заполнение анкеты до чтения статьи и проведение структурированного интервью после прочтения статьи.

Гипотеза эксперимента состояла в следующем: если, следуя Т.А. Ван Дейку, манипуляция – это всегда борьба смыслов в рамках макропозиции «Мы – хорошие, они – плохие», то русские реципиенты антироссийских политических дискурсов, идентифицируя себя с «плохими», будут острее чувствовать наиболее эмоционально заряженные фрагменты манипулятивного дискурса западных СМИ.

Перед чтением статьи респондентам предлагалось заполнить анкету (Таблица 6):

Таблица 6. Анкета

	Вопрос	Ответ
1	Укажите свой возраст, пол, род деятельности.	
2	Интересуетесь ли Вы политикой?	Да Нет
3	Считаете ли Вы, что Ваши личные интересы затронуты из-за сложившейся ситуации в отношениях Россия-Запад?	Да
4	Испытываете ли Вы негативные эмоции по отношению к западным политикам?	Нет Шкала
5	Как Вы оцениваете отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент?	<ul style="list-style-type: none"> • Как позитивные и деловые. Считаю, что правительства двух стран пытаются совместно выйти из кризисной ситуации. • Как отношения власти и давления со стороны США. Считаю, что власти США предвзято относятся к России и действуют только в своих интересах. • Как нейтральные. Считаю, что обе стороны совершают ошибки и борются за влияние в мире. • Как отношения власти и давления со стороны России.

После прочтения статьи с испытуемыми проводилось компьютеризированное структурированное интервью в следующем виде:

1. Что Вы чувствуете: гнев, радость, унижение, восторг, спокойствие, обиду, ничего, возмущение, умиление, удивление, разочарование, грусть, раздражение, умиротворение, вину, неудобство, облегчение?
2. Чувствуете ли Вы себя комфортно после прочтения статьи (по шкале от -5 до 5).
3. Считаете ли Вы отношения, сложившиеся между Россией и США на сегодняшний момент, это:
 - a. Отношения позитивных деловых партнеров,
 - b. Отношения подавления со стороны США,
 - c. Обоюдная борьба и поочередное совершение ошибок,
 - d. Отношения подавления со стороны России.
4. Отметьте в тексте статьи пассажи, которые обратили на себя Ваше внимание, запомнились.

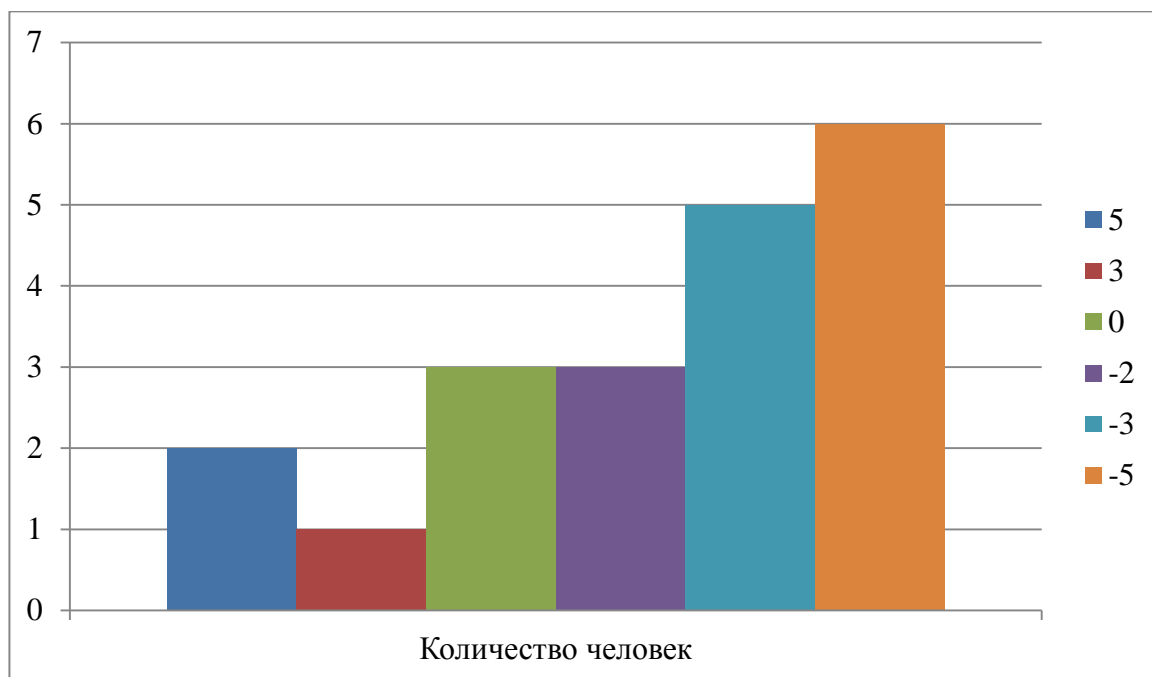
На основе анкет участников и ответов, полученных при проведении структурированного интервью, мы провели анализ выделенных ими фрагментов текста для выявления дискурсивных маркеров манипуляции.

Респондентам было предложено ознакомиться со статьей на английском языке из газеты «The Washington Post» под названием «Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine» (текст статьи в Приложении В), посвященной отправке очередного конвоя с гуманитарной помощью для мирного населения на Донбасс. В эксперименте было задействовано 20 русскоязычных респондентов, владеющих английским языком на сертифицированном уровне C1, согласно европейским уровням владения иностранным языком.

Большая часть испытуемых отметили, что чувствуют разочарование, обиду, грусть, возмущение, неудобство и раздражение после чтения. Уровень комфорта колеблется от -5 до -2, однако есть и такие, на кого статья не оказала никакого воздействия (более подробно результаты представлены на Рисунке 1). Половина опрошиваемых считает, что отношения, сложившиеся

между Россией и США на сегодняшний момент можно охарактеризовать как отношения подавления со стороны США. Остальные описывают политическую ситуацию как обоюдную борьбу и поочередное совершение ошибок.

Рисунок 1. Уровень комфорта

В рамках структурной организации статьи, можно сделать вывод, что отмеченные участниками эксперимента пассажи, обратившие на себя особое внимание, рассредоточены во всех смысловых частях текста, поэтому нам не удалось выявить какой-либо композиционной обусловленности (например, если бы выделенные пассажи находились в сильных позициях текста).

2.3. Дискурсивные маркеры манипуляции: результаты экспериментального исследования

Выделенные испытуемыми пассажи характеризуются морфологическими и синтаксическими особенностями, которые для удобства изложения представлены нами в Таблице 7.

Таблица 7. Морфологические и синтаксические особенности релевантных для респондентов текстовых фрагментов

Морфология	Синтаксис
<p>Прилагательные с яркой оценочной коннотацией: <i>military</i>, <i>Russian</i> или <i>pro-Russian</i> (в сочетании с существительными с негативной окраской – <i>aggression</i>, <i>separatists</i>, <i>invasion</i>), <i>combat-ready</i> (troops).</p> <p>Существительные с яркой негативной окраской: <i>aggression</i>, <i>invasion</i>, <i>force</i>.</p> <p>Глаголы, которые выражают неготовность России идти на уступки и прислушаться к мнению Запада: <i>deny</i>, <i>annex</i> (Crimea), <i>force</i>, <i>occupy</i> (Crimea), <i>violate</i> (sovereignty).</p> <p>Использование местоимения «мы» как способ выражения солидарности стран Запада: <i>We need to use all methods to stop Russian military aggression</i>.</p> <p>Выражения скрытого умысла российских властей с помощью конструкций: <i>under the guise of</i> (a humanitarian mission), <i>as cover for</i> (a military invasion).</p>	<p>Вводные конструкции, выражающие незыблемость того, о чем идет речь: <i>It's clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission</i>.</p> <p>Условное наклонение: <i>Ukrainian forces would not use force against the convoy <...></i>.</p> <p>Страдательный залог (перекладывание ответственности): <i>The shipment was designed as cover for a military invasion</i>.</p> <p>Конструкции с модальным глаголом <i>need</i>: <i>We need to use all methods to stop Russian military aggression</i>.</p> <p>Конструкции уточнения (чтобы выделить лишь один аспект многогранного явления, в данном случае – стремление умалить заслуги России, поставляющей гуманитарную помощь мирному населению): <i>"If we find in the convoy some other equipment, some other equipment that's not humanitarian aid, then the direction will be different"</i>.</p>

Как подчеркивают ведущие исследователи в области политической коммуникации, политический дискурс всегда представляет собой борьбу за

власть, поэтому автор статьи, стремясь оказать определенное воздействие на читателя, реализует типичные для политического дискурса СМИ стратегии. Для того, чтобы доказать, что морфологические и синтаксические средства, отмеченные нами как повторяющиеся в тех фрагментах, которые выделили информанты, на самом деле являются маркерами манипулятивного речевого воздействия, мы провели коммуникативно-дискурсивный анализ предъявленной в качестве стимула статьи.

Результаты проведенного анализа показали, что выделенные респондентами фрагменты являются наиболее яркими вербализациями стратегии представления оппонента в невыгодном свете (стратегии дискредитации оппонента) – Россия описывается как агрессор, государство, стремящееся завладеть чужой территорией и осуществить военно-политическую интервенцию. Подобный эффект достигается с помощью следующих словосочетаний и выражений с яркой оценочной коннотацией:

1. Russian military aggression;
2. Direct invasion;
3. Russia denied that its military was occupying Crimea;
4. Attempt to annex this part of Ukraine;
5. Under the guise of a humanitarian mission;
6. It's clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission;
7. Russian artillery support <...> is being employed against the Ukrainian armed forces;
8. 20000 Russian “combat-ready troops”;
9. Russia is more interested in resupplying separatists rather than supporting local populations;
10. The White House <...> and said it raised the likelihood that Russia planned the convoy as a pretext for invasion.

Стратегия самовосхваления или положительной самопрезентации, представления себя в позитивном и выгодном свете. Американские власти

стремятся мирным путем урегулировать конфликт на Украине, хотят прекратить кровопролитие. Их цель – остановить агрессию со стороны России любыми способами:

1. Ukrainian forces would not use force against the convoy because they want to avoid provocations;
2. Призывы к действию: we need to use all methods to stop Russian military aggression;
3. The White House condemned the Russian action <...>.

Затем мы проанализировали все имеющиеся у нас статьи западных СМИ и новостного портала Russia Today и составили список маркеров манипуляции, который в дальнейшем выступил в качестве одного из параметров компьютерной программы-классификатора.

Явление кореференции – это различное обозначение объекта, проявляющееся при его повторной номинации или переименование одного и того же текстового референта, при которых упоминание референта сопровождается наделением его дополнительными признаками. Кореференция позволяет удерживать информацию об объекте на протяжении всего текста, являясь одним из аспектов связности текста, обеспечивает его функционирование в качестве системы [Мамай, 2013].

По определению З. Выходиловой, кореференция – это обозначение одного и того же объекта в разных частях текста [Выходилова, 2000].

Л. Линский определяет главную (коммуникативную) функцию кореференции, заключающуюся в идентификации предмета по отношению к тексту [Линский, 1982].

Ниже в Таблице 8 представлены перекрестные пары дискурсивных маркеров манипуляции, наиболее часто-встречающихся в изученных нами статьях.

Таблица 8. Перекрестные пары дискурсивных маркеров манипуляции

Западные анти-российские СМИ	Russia Today
Annexed Crimea, annexed territory	Part of Russia, great power
Rebel-held, rebel-controlled, rebellious, Russia-backed territories, self-proclaimed rebel republics, New Russia	Novorossia, LNR, DNR
Russian (pro-Russian) aggression, invasion, manipulation, propaganda, suppression, deception, repression, threat, danger	Western aggression, invasion, double standard, boycott, danger, manipulation, propaganda
To annex Crimea, to grab Crimea	To rejoin country, to belong to Russia, to identify themselves as Russians, to vote , to return to Russia
Annexation of Crimea	Self-determination
Ukrainian forces, army	Violent extremist organization, Nazis, nationalists, fascists, neocons, neo-Nazis, pro-Nazis, oligarchs
Illegal referendum	Democratic referendum

Дискурс-анализ также показал, что в статьях российских и Западных СМИ присутствует достаточно большое количество повторяющихся маркеров (Таблица 9). В основном, это оценочные прилагательные с негативными оттенками значения, глаголы и существительные с негативной коннотацией.

Таблица 9. Общие для дискурсов западных и российских СМИ маркеры

Тип маркеров	Примеры
Характерные для дискурсов западных и российских СМИ существительные с яркой негативной коннотацией	Corruption, scandal, aggression, invasion, double standard, boycott, danger, manipulation, propaganda, manipulation, propaganda, suppression, deception, repression, threat, danger, rejection, conflict, rebels, rebellions, separatists, catastrophe, escalation, aggrandizer, confrontation, terrorists, terrorism, anger, fight, enemy, reluctance, atrocity

Тип маркеров	Примеры
Характерные для дискурсов западных и российских СМИ прилагательные с яркой негативной коннотацией	Destructive, dangerous, aggressive, illegal, malicious, unfriendly, scandalous, catastrophic, hostile, guilty, violent, dangerous, manipulative.
Характерные для дискурсов западных и российских СМИ глаголы с яркой негативной коннотацией	To invade, to deny, to kill, to destabilize, to attack, to threaten, to undermine, to manipulate, to dismiss, to deter, to ignore, to destruct, to violate, to denounce, to supply, to resupply, to pressure, to blame, to deport, to murder, to torture, to force, to harm, to corrupt, to injure, to battle, to suppress, to poison, to affect, to weaken, to worsen, to fight, to annoy, to exacerbate, to humiliate

Чтобы задать параметры компьютерной программы, мы подсчитали количество данных лексических единиц в отобранных нами статьях. Далее на примере нескольких статей мы продемонстрируем сделанный нами анализ.

2.4. Параметры дискурсивного описания и измерения манипулятивных текстов

Изучив результаты проведенного нами эксперимента и учитывая особенности отмеченных респондентами отрывков, мы вручную проанализировали 50 газетных текстов (вторая серия/выборка), включающих в себя отмеченные респондентами дискурсивные маркеры манипуляции, и обратили внимание на лексические средства, повторяющиеся из текста в текст вместе с дискурсивными маркерами манипуляции. Для разработки компьютерной программы-классификатора текстов мы выделили 6 основных лексических пластов – 6 параметров (features), с помощью которых, согласно нашей гипотезе, компьютерная программа сможет сортировать тексты по уровню их манипулятивности:

1. военная терминология,
2. лексика на нацистскую тематику (фашизма, национализма),
3. лексика на советскую тематику,
4. лексемы из составленного по итогам эксперимента списка маркеров манипуляции (тематика страха, агрессии, вторжения),
5. упоминание прецедентных для данной тематики личностей и феноменов (Владимир Путин, Петр Порошенко, санкции...),
6. наличие прилагательных с антонимическими приставками anti- и pro- .

2.4.1. Военная терминология, нацистская терминология, лексика на советскую тематику

Приведем несколько определений понятия «военная терминология» различных авторов. В.Н. Шевчук дает следующее определение: «устойчивая единица синтетической или аналитической номинации, закрепленная за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [Шевчук, 1989: 8].

Г.М. Стрелковский отмечает, что следует различать термины тактические, организационные, военно-технические, термины, относящиеся к различным родам войск и видам вооруженных сил [Стрелковский, 1979: 83].

Предварительно изучив собранные нами статьи, мы пришли к выводу, что многие авторы умышленно прибегают к использованию военной терминологии для усиления манипулятивного эффекта, для создания устрашающего образа оппонента, который готов развязать войну.

*«A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that **intelligence** estimates are of some **45,000 regular Russian troops** on the border; tens of thousands of **Russian***

irregulars of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of Russian officers and military personnel; some 450 battle tanks and over 700 pieces of artillery» (The Iran-Ukraine Affair, the New York Times, 11/11/2014).

«The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive. Large, unmarked convoys of heavy weapons and tanks manned by personnel without insignia on their uniforms (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the front lines in rebel-held territory. Sophisticated artillery and ground-to-air missile systems have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move military units thousands of miles for nothing» (The Iran-Ukraine Affair, the New York Times, 11/11/2014).

Обнаружив данные лексические единицы, мы обратились к словарю для уточнения их значения (Таблица 10).

Таблица 10. Интерпретация значения военной лексики по словарю ABBY Lingvo.

Слово	Перевод
Intelligence	Разведка, разведывательная служба
Troops	Войска, армия, вооруженные силы
Irregulars	Нерегулярные войска
Military personnel	Военнослужащие
Battle tanks	Боевые танки
Pieces of artillery	Артиллерийские орудия
Ground-to-air missile systems	Системы зенитных управляемых ракет
Convoys	Конвой
Front lines	Линии фронта
Offensive	Нападение
Artillery	Артиллерия
Heavy weapons	Тяжелое вооружение
Uniforms	Военная форма, обмундирование

В данных отрывках наблюдается достаточно высокая плотность употребления лексики на военную тематику, с помощью которой авторами

статьи намеренно создается негативный образ России как государства-агрессора, которое наращивает военную мощь и готовится нанести удар по украинской территории. Список военной терминологии представлен в Приложении А.

Темы нацизма и фашизма являются весьма важными и неприятными для большей части жителей постсоветского пространства. Именно этим, вполне вероятно, объясняется использование нацистской терминологии журналистами портала Russia Today. «Политические оппоненты» – украинские власти и радикальные экстремистские организации – названы неонацистами и фашистами, которые «не перед чем не остановятся, чтобы добиться желаемой цели (поработить жителей востока Украины)». Именно такие аналогии проводятся во многих статьях, посвященных теме украинского кризиса, на портале Russia Today.

*«Those **Nazi groups**, the Pravy Sektor [Right Sector] and the Azov Battalion, and all of the rest of these **fascist** organizations have tremendous sway in Ukraine, they have tremendous fire power behind them» (What happened to standards of journalism, 'trusted' Western media? Russia Today, 28/08/15).*

*«An Israeli ex-IDF soldier fighting alongside rebels in eastern Ukraine has told the Jerusalem Post that she is battling against “**pro-Nazi activists**” who torture and murder civilians and soldiers alike» (Ex-IDF fighter with E. /Ukraine rebels says she is after 'fascist, pro-Nazis and oligarchs', Russia Today, 21/08/15).*

*«The notion, however, is rejected by many **nationalist** Ukrainians, who believe that Russians have historically subjugated and oppressed Ukrainians, denying them statehood. After the **nationalist-driven** armed coup in Kiev last year, the secession of predominantly-Russian Crimea and the uprising of rebel forces in the East, many of whom are ethnic Russians, the **nationalist** agenda was pushed to the top of political discourse in Ukraine» (Russians & Ukrainians not brothers, Ukrainian president claims, Russia Today, 21/08/15).*

Для обнаружения компьютерной программой нацистской и фашистской терминологии в статьях мы составили список нацистской лексики объемом 160 единиц (Приложение Б).

Помимо использования военной и нацистской терминологии в статьях западных СМИ зачастую встречается упоминание о советском прошлом Российской Федерации – прилагательное *soviet* (советский) или *post-soviet* (постсоветский) в сочетании с существительными: *success, rule, union, territory, region, state, mentality, forces, times, troops, era, leader, space, narrative, citizens, greatness, stupor, masters, regime, republic, Russia, Cold War, the Berlin wall*.

«Residents of Lviv, where Soviet rule never erased elegant Austro-Hungarian architecture, have long been among the most determined in Ukraine to push their nation toward Europe».

«It is a depressive Soviet region,” Sokolov said in one of Lviv’s bustling coffeeshouses, which are reminiscent of Vienna».

Poland’s post-Soviet success has helped push Lviv’s attitudes toward Europe. (In Ukraine’s European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, the Washington Post, 31/10/14).

Употребляя выражения с лексемой *Soviet*, Западные журналисты стремятся сделать отсылку к негативной стороне советского прошлого – отсутствию демократии, авторитаризму, упадку экономики, дефолту и т.п. Они, как бы, приписывают подобные отрицательные характеристики современным событиям, политике, власти. Прочитав статью, человек начинает проводить параллели между депрессивным советским прошлым и нынешней политической обстановкой в России и на Украине, у него создается мрачный образ государства, пребывающего в глубоком экономическом и политическом кризисе и лишенного прав и свобод.

2.4.2. Прецедентные личности и феномены

Прецедентные феномены являются основными элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, под прецедентными феноменами мы понимаем феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987: 216].

Выделяют четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена. Прецедентным именем называется «индивидуальное имя, связанное:

1. с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных,
2. с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная,
3. имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств». Прецедентное имя обладает сложной структурой, «ядро которой составляют его дифференциальные признаки, апелляции к которым наиболее частотны, а периферию — атрибуты».

В современных СМИ широко используется стилистический прием игры с прецедентными феноменами, рассчитанный на появление у адресата

нужных ассоциаций. Любая прецедентная единица сводит описываемую ситуацию к образу-стереотипу, замещающему в сознании носителя языка подробное описание [Караулов, 1987: 75].

Все прецедентные феномены выполняют три функции: оценочную, экспрессивную и парольную (кодирование информации). Оценочная функция заключается в формировании совокупности всех представлений и знаний об элементах нашей действительности и исторической эпохе через призму представлений и знаний о конкретной личности. Экспрессивная функция напрямую связана с выражением эмоционального состояния конкретного индивида общества или какой-либо социальной группы с целью передачи субъективного отношения к обозначаемым предметам или явлениям действительности при помощи сравнения (сопоставления) или отождествления с определенным прецедентным именем. Кодирование информации (парольная функция) представляет собой своеобразное установление соответствия между элементами сообщения (даты, цифры, исторические события и их участники) и сигналами, в роли которых выступают сами прецедентные имена.

Прецедентное имя «Владимир Владимирович Путин» — это своеобразный символ идеального политика, «коммуникативный эталон» современности для россиян. Нынешний Президент Российской Федерации непроизвольно ассоциируется с временем результативных реформ, нанотехнологий, прогресса, утверждения демократии, защиты граждан, мирного урегулирования международных конфликтов и укрепления позиций страны на международной арене. Образ Путина как политика вызывает у россиян положительные эмоции, индекс доверия к нему очень высок. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром по изучению общественного мнения в 2012 году, граждане России на данный момент не видят альтернативы Владимиру Путину на посту Президента, отмечают его компетентность (17 %), управленческие навыки (15 %), трудолюбие (11 %) и энергичность (7 %). Остальные респонденты, высказавшиеся положительно о

Владимире Путине, говорят о его доброте, уверенности, принципиальности и других положительных качествах. С 2012 года рейтинг Владимира Путина вырос с 58,8 до рекордных 89,9 [ВЦИОМ, 2015].

Прецедентное имя «Путин» также кодифицирует конкретные исторические факты: реформирование судебной системы, образование молодежных политических организаций в поддержку Президента, проведение операции по принуждению Грузии к миру, создание Таможенного союза, борьба с коррупцией, участие в саммитах Group of eight, защита бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Эдварда Сноудена, инициатор отправки гуманитарных конвоев на Донбасс, разрешение конфликта в Сирии, поднятие авторитета России на международной арене.

Однако для западных, в основном североамериканских, СМИ Владимир Путин – тиран и диктатор, активно демонстрирующий свою силу в стране и мире, агрессор, захвативший Крым и развязавший войну на Украине. Западные СМИ приписывают Путину следующие характеристики: *Russia's paramount leader, with macho stance, resentful, aggressive, Putin holds a tranquillizer gun, Putin invaded, Putin fabricated, Putin hides the truth, Putin has framed a conflict.*

Более того, утверждается, что политический лидер обнаруживает признаки мании величия, он кажется тщеславным диктатором, который возомнил себе, что Россия – самое сильное государство в мире, а россияне заражены «путинизмом» (*Putinism, Putin's Russia, Putin's regime, Putin's nationalism*).

Прецедентными в анализируемых текстах также являются следующие личности: Барак Обама, Петр Порошенко, Александр Захарченко (ДНР), Игорь Плотницкий (ЛНР).

В статьях новостного портала Russia Today Обама и Порошенко показаны в негативном свете: Порошенко обвиняют в преследовании собственных интересов, обнищании страны и поддержке террористических

организаций, а Обаму называют злорадным и перекладывают на него ответственность за кровопролитие на Украине.

*«Now Ukraine has the richest head of state in Europe, the billionaire Petro **Poroshenko**, while paying its pensioners £5 a week. Ukraine makes Greece look like Narnia» (Ukraine – a 'Banana Republic' without bananas, Russia Today, 10/07/15).*

*«While President **Poroshenko** denounced the riot at the Verkhovna Rada, calling out yesterday's "freedom fighters" as today's out of control "terrorists", it is amazing to see the sudden change of colors and political labeling du jour in the US and its friendly international media. AP, AFP, ThomsonReuters, Bloomberg and others are now selling the message of "courageous and law enforcing" **Poroshenko** administration standing up to terrorists appearing out of nowhere, ultra-nationalists and even anarchists hell bent on bringing destruction to Ukraine as a state» (Ukrainian history of farce , Russia Today, 03/09/15).*

*«Some carried photos depicting the destruction and casualties in the country's restive east, while others held signs reading "The blood of Donbass kids is on **Obama's** hands"» ('Yankee go home!' Hundreds stage anti-US protest in front of embassy in Kiev, Russia Today, 1/07/15).*

*A gloating **Obama** claimed that Russia's economy was "in tatters" and that the state was "isolated." Neither of these statements is true. In actual fact, in many regions - including Asia and Latin America - Russia has more friends than the US (American, not Russian, aggression is the real problem, Russia Today, 30/08/15).*

В западных СМИ главу ДНР Александра Захарченко пренебрежительно называют «бывшим электриком», а руководителя ЛНР Игоря Плотницкого – «ветераном советских вооруженных сил»:

*«**Zakharchenko**, a former electrician at an eastern Ukrainian mine, took over leadership of rebels in the Donetsk region from a Russian citizen in early August. He was running Sunday against two little-known candidates. The leader of rebels in the Luhansk region, **Igor Plotnitsky**, a Soviet armed forces veteran and*

former civil servant, also was expected to win» (Ukraine pro-Russia rebels hold elections in the east, fueling conflict, the Washington Post, 02/11/14).

Подводя итог, отметим, что употребление прецедентных имен в определенном контексте помогает авторам создать позитивный или негативный образ оппонента, косвенно повлиять на его взгляды и убеждения. В нашем материале прослеживаются основные функции прецедентных имен – оценочная, экспрессивная и парольная. Через призму знаний и оценочных высказываний о Президенте РФ, например, формируется обобщенное представление о государстве, его повседневной действительности. Авторы устанавливают соответствие между политической ситуацией, актуальными событиями, происходящими на Украине и в мире, и прецедентными именами. В данном случае образ Владимира Путина – авторитарного и жестокого политика – проецируется на всё государство и формирует отрицательное впечатление, т.е. под данным прецедентным именем закодирована определенная, нужная автору, информация. Кроме того, высказывая собственное мнение о каком-то конкретном человеке, автор наделяет прецедентное имя экспрессивной функцией, поскольку таким образом он выражает свое эмоциональное состояние и передает свое субъективное отношение к обозначаемым предметам.

2.4.3. Прилагательные с антонимичными приставками *anti-* и *pro-*

В исследованных нами статьях мы отметили частое использование прилагательных с приставками *anti-* и *pro-*, которые помогают автору четко обозначить свою позицию и разделить «своих» и «чужих». Кроме того, с помощью данных лексико-морфологических единиц автор статьи может переложить ответственность за какое-либо действие на своего оппонента.

В данных заголовках из газеты Washington Post автор перекладывает ответственность за военный конфликт на Украине на Россию, подчеркивает, что за действиями «повстанцев» стоят власти Российской Федерации.

*«Ukraine **pro-Russian rebels** hold elections in the east, fueling conflict» (Ukraine pro-Russian rebels hold elections in the east, fueling conflict, the Washington Post, 02/11/14).*

*«In Ukraine's European core, new weariness over war with **pro-Russian rebels**» (In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels, the Washington Post, 31/10/14).*

Журналисты новостного портала Russia Today, напротив, проводят аналогию между действиями украинской армии и идеологией нацистов (фашистов), используя все те же прилагательные с приставкой pro-.

*«Ex-IDF fighter with E. Ukraine rebels says she is after 'fascist, **pro-Nazis** and oligarchs'» (Ex-IDF fighter with E. /Ukraine rebels says she is after 'fascist, pro-Nazis and oligarchs', Russia Today, 21/08/15).*

Выражение *anti-Russian sanctions* (анти-Российские санкции) уже стало нарицательным, теперь его часто можно встретить в статьях, посвященных Украинскому кризису. Западные СМИ, в свою очередь, нередко подчеркивают, что Путин проводит антизападную или антиамериканскую (*anti-Western, anti-American*) политику.

*«Russian President Vladimir Putin accused the United States on Friday of trying to “reshape the whole world” for its benefit, in a fiery speech that was one of the most **anti-American** of his 15 years as Russia's paramount leader» (Russia's Putin blames U.S. for destabilizing world order, the Washington Post, 24/10/14).*

2.5. Пример анализа текстового материала

Проанализируем статью из газеты the New York Times по выделенным нами параметрам и попытаемся обнаружить специфичные пласты лексики,

которые, на наш взгляд, позволяют автору оказывать манипулятивное воздействие на читателя.

The Iran-Ukraine Affair

Have you heard about the Iran-Ukraine affair?

*It goes like this. Vladimir **Putin**'s Russia makes nice over an Iran nuclear deal. It is helpful in every way. A recent headline on a piece by my colleague David Sanger read, "Role for Russia Gives Iran Talks a Possible Boost." In return, the United States turns a blind eye to the big Russian **military build-up** on the Ukrainian border and in areas under the control of **Moscow-backed rebel separatists**.*

*I am not suggesting there is any such formal Iran-Ukraine trade-off between the **Obama** administration and **Putin**. I am suggesting that the Russian leader has a keen eye for American weakness and an exquisite sense of timing. The **abrupt** flaring of new **fighting** in eastern Ukraine, and the **abrupt** Russian readiness to help on Iran ahead of the Nov. 24 deadline for nuclear talks, are not a mere coincidence. They are part of a Russian strategy and, for now, the United States is playing along.*

*An Iran nuclear deal would be good for the United States, Iran and the world. President **Obama** understands its importance, hence his recent reported letter to the Iranian supreme leader, Ayatollah Ali Khamenei. An accord could place all Iran's irreversible **nuclear capacity** in a limited and verifiable box, ensuring there is never an Iranian **bomb**, while ushering the last sizeable emerging market nation into the global economy. It would change the blocked politics of the Middle East, confounding America's **enemies** and forcing sometimes **manipulative** allies to think in new and perhaps constructive ways. The deal, at this point, represents the last hope for any significant Obama legacy in the Middle East. It is clear that he wants it.*

*But the unspoken price of an Iran deal, vital as it is, cannot be the loss of Ukraine and the unraveling of NATO. **Putin** has already **annexed Crimea** despite Russia's signed agreement in 1994 "to respect the independence and sovereignty*

*and the existing borders of Ukraine.” There is every reason to believe he has designs on all Ukraine. The West’s mistake has been to think that **Putin** is not serious in wishing to reconstitute the **Soviet Union** in new guise.*

*The current Russian buildup has all the signs of preparation for an offensive. Large, **unmarked convoys of heavy weapons** and **tanks** manned by **personnel** without insignia on their uniforms (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the **front lines** in **rebel-held territory**. Sophisticated **artillery** and **ground-to-air missile systems** have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don’t move **military units** thousands of miles for nothing.*

*A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, **Petro Poroshenko**, told me that **intelligence** estimates are of some 45,000 **regular Russian troops** on the border; tens of thousands of **Russian irregulars** of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of **Russian officers** and **military personnel**; some 450 **battle tanks** and over 700 pieces of **artillery**.*

*“Ukraine has no real **fighting capacity** to face all this,” he said. “They think we’re their friends and don’t understand why we won’t help them. They are frustrated and afraid because they can see a hammer coming at them.”*

*In response to **Putin’s hammer**, the West has expressed concern. The United States National Security Council spokeswoman has said, “We are very concerned.” The European Union has called the reports of **convoys of heavy weapons** “very worrying.” Concern and worry do not stop a **hammer**. **Poroshenko’s** requests to **Obama** for substantial American **military assistance** should not have been rejected.*

*Watch **Putin’s** actions. Be very wary of his words. That is the lesson of the past year. It has not been learned. It is nice that the Russian foreign minister, Sergey Lavrov, and Secretary of State John Kerry have just agreed to exchange information on Ukraine and called for respect for a September **cease-fire** that is*

*unraveling in the smoke and fire of Donetsk. It is also meaningless. Lavrov feigns the innocent on the **military buildup**. That's his good-cop role.*

*The reality is **dangerous**. A quarter-century after **the fall of the Berlin Wall**, as balloons go up in the German capital, a nation of 45 million people that wants to enjoy the fruits of European freedom is being abandoned to **Russian dismemberment**. If that happens, if Ukraine is lost, America's promise to its NATO allies in the Baltics and Eastern Europe is not going to be viewed as credible. A core Russian strategic objective since 1945 — the decoupling of American and European defense — will be on its way to realization.*

*I just hope the refrain inside the White House is not: "We can't **annoy** the Russians on Ukraine. They're being helpful on Iran. We won't get a deal without them." But I wouldn't bet on it. An Iran-Ukraine affair is plausible (The Iran-Ukraine Affair, the New York Times, 11/11/2014).*

Результаты текстуального анализа мы представили в Таблице 11.

Таблица 11. Результаты текстуального анализа статьи the New York Times

Военная терминология (25)	Military build-up (2), nuclear capacity, cease-fire, military assistance, convoys (2), heavy weapons (2), fighting capacity, battle tanks (2), military personnel (2), artillery (2), officers, irregulars, regular Russian troops, intelligence, military units, offensive, ground-to-air missile systems, bomb, front lines
Маркеры манипуляции (15)	Глаголы: to annoy, to annex
	Прилагательные: Moscow-backed, abrupt (2), dangerous, manipulative, rebel-held
	Существительные: rebel, separatists, fighting, dismemberment, hammer (2), enemies
Прецедентные личности (11)	Vladimir Putin (6), Barack Obama (4), Petro Poroshenko (1)
Советская терминология (2)	The fall of the Berlin Wall, Soviet Union
Прилагательные с приставками pro-, anti-	
Нацистская и фашистская терминология (0)	

В таблице выше представлена сводная информация обо всех выделенных маркерах манипуляции. В частности, в данной статье наблюдается достаточно высокая плотность слов и словосочетаний на военную тематику, создающих устрашающий образ Российской Федерации – образ агрессора. Автор также обращается к прецедентным именам – Владимир Путин, Барак Обама, Петро Порошенко.

Разберем наиболее важное в нашем случае прецедентное имя Владимир Путин. Проанализировав контекст, в котором употребляется данное прецедентное имя, можно сделать вывод, что Владимир Путин представлен как авторитарный правитель (*Putin's Russia* – Путинская Россия), граждане РФ – бесправные, полностью подчинены Президенту. Кроме того, заявляется, что Владимир Путин насильно присоединил Крым (*Putin has already annexed Crimea*). Автор призывает посмотреть на действия Путина (*Watch Putin's actions. Be very wary of his words. That is the lesson of the past year*) – он поступает неправильно, вызываясь. Его политика описывается очень коротко и смело – *Putin's hammer* (*hammer* – кувалда, молоток). И наконец, Западные власти не ожидали, что Путин всерьез хочет воссоздать Советский Союз – насильственным путем присоединить государства постсоветского пространства (*The West's mistake has been to think that Putin is not serious in wishing to reconstitute the Soviet Union in new guise*).

В тексте также присутствуют некоторые маркеры манипуляции – прилагательные, существительные и глаголы с негативной коннотацией в контексте РФ. В частности, Российскую власть обвиняют в пособничестве повстанцам (*Moscow-backed*).

Теперь проведем аналогичный анализ статьи портала Russia Today.

Ex-IDF fighter with E. Ukraine rebels says she is after 'fascist, pro-Nazis and oligarchs'

An Israeli ex-IDF soldier fighting alongside rebels in eastern Ukraine has told the Jerusalem Post that she is battling against "pro-Nazi activists" who torture and murder civilians and soldiers alike.

*Ina Levitan, 37, a Tel Aviv resident who was born in Baku, Azerbaijan, said she has been in the **conflict** zone near the city of Lugansk since late 2014.*

*She decided to go to Ukraine to find her friend who disappeared there. When Ina finally found him, she decided to stay in the **hotspot** to investigate the **conflict**.*

*“After a month and a half I decided to go to **Novorossia**,” she told the Jerusalem Post. By **Novorossia** (**Novorossiya**) she meant the **self-proclaimed Donetsk People's Republic (DPR)** and **Lugansk People's Republic (LPR)** in eastern Ukraine.*

*According to Ina, she chose to side with the **rebel forces** when she learnt of “**crimes** carried out against the civilian population.”*

*She told the paper that she sees the **conflict** as a “huge political game,” in which **oligarchs** are trying to get rich at the expense of common people.*

*Ina wrote an open letter to the Israeli Communist Party, in which she said she is not planning to enter the **conflict**, but is eager to “**fight** against the **fascist, pro-Nazis** and **oligarchs**.”*

*According to the ex-IDF **fighter**, she is against “**pro-Nazi activists**” who are “**torturing** and **murdering** civilians and **soldiers** of the **army** of Ukraine who do not share their views.”*

*“I myself saw a man who returned from captivity in the hands of **neo-Nazis**. They cut limbs and tattooed his body with **swastikas**. We are **fighting** against these **atrocities** that occur repeatedly and **harm** civilians,” she said as quoted by the Jerusalem Post, adding that as an Israeli she “personally, viscerally **hates fascists**.”*

*In 2014, the foreign minister of the **Donetsk People's Republic (DNR)**, Aleksandr Kofman, told Russian media that there are dozens of former IDF **soldiers fighting** alongside the **self-defense forces** in Donetsk.*

*In May, the DNR Defense Ministry also revealed ex-IDF **troops** were **fighting** with Kiev forces against the **rebels**.*

*The **conflict** in eastern Ukraine began in April 2014 after Kiev sent its **troops** to **suppress** the Donetsk and Lugansk Regions, which **refused** to recognize the new coup-imposed authorities in the capital. Some 6,832 people have been **killed** and at least 17,087 **injured** in the **fighting** in eastern Ukraine, according to UN estimates (Ex-IDF fighter with E. /Ukraine rebels says she is after 'fascist, pro-Nazis and oligarchs', Russia Today, 21/08/15).*

В статье портала Russia Today бросается в глаза сравнение вооруженных сил Украины с нацистами и фашистами (*neo-Nazis, fascists, pro-Nazis activists, swastikas*), которые украшают свое тело татуировками с изображением фашистской свастики и совершают кровавые преступления против человечества. Кроме того, русские журналисты употребляют все те же маркеры манипуляции только применимо к украинским и Западным властям. Лексика на военную тематику присутствует, но в незначительном количестве (подробности анализа – в Таблице 12).

Таблица 12. Результаты текстуального анализа статьи Russia Today

Военная терминология (12)	Troops (2), forces, self-defense, soldiers (4), fighter (2), army, hotspot
Маркеры манипуляции (32)	Глаголы: to injure, to murder (2), to torture (2), to fight (5), to kill, to suppress, to refuse, to harm, to hate
	Существительные: rebels (3), conflict (5), Donetsk People's Republic (2), atrocity, oligarchs (3), Novorossia (2), Lugansk People's Republic
Прецедентные личности (0)	
Советская терминология (0)	
Прилагательные с приставками pro-, anti- (4)	pro-Nazi (4)
Нацистская и фашистская терминология (9)	neo-Nazis, fascists (3), pro-Nazis (4) activists, swastikas

2.6. Обработка естественных языков и статистические исследования в лингвистике. Язык программирования Python

О применении математических и статистических методов в языкознании говорили еще Ф. де Соссюр и И.А. Бодуэн де Куртенэ, однако применять их стали лишь в начале XX века в связи с развитием структурной лингвистики [Гладкий, 1973: 95]. Первыми стали использовать математические методы для лингвистического описания Э.Форстеманн, В.Я. Буняковский, А.А. Марков, Дж. Юл. Тем не менее, данные исследования были направлены на разработку квантитативных методов и статистических теорем и не имели никакого отношения к лингвистической науке [Звегинцев, 1962: 115].

В рамках математической лингвистики трудились немецкий ученый Дж. Ципф [Zipf 1935; 1949; цит. по: Верховин, 2013], изучавший соотношения между рангом и частотой слова, американские исследователи К. Шэннон и У. Уивер [Shannon 1949; цит. по: Верховин, 2013], которые одними из первыми стали применять понятия теории информации для лингвистического описания, Г. Хердан [Herdan 1956; цит. по: Верховин, 2013], изучавший квантитативную лингвистику, Р.Г. Пиотровский [Пиотровский 1977; цит. по: Верховин, 2013] и др. В последующем и отечественные ученые стали работать в данном направлении и внедрять количественные методы в исследования языка: Б.В. Сухотин [Сухотин, 1990], В.Г. Адмони [Адмони, 1963], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1964], Б.Н. Головин [Головин, 1971] и др.

Б.Н. Головин [Головин, 1941: 11–14] объясняет интерес к математическим и статистическим методам в лингвистике следующим образом: языку присущи количественные признаки, между качественными и количественными характеристиками языковой структуры существует

внутренняя зависимость, частота употребления тех ли иных языковых элементов может быть описана статистическими законами.

Вероятностно-статистическими методами занимается статистическая лингвистика. Статистическая лингвистика – дисциплина, изучающая количественные закономерности естественного языка, проявляющиеся в текстах [БСЭ, 1978].

Обработка естественных языков – одно из наиболее популярных направлений компьютерной лингвистики в настоящее время, позволяющее осуществлять самые различные манипуляции с текстовыми данными. Основа данной технологии – понимание завершенных человеческих высказываний. Технологии, основанные на обработке естественных языков, становятся все более распространенными, программисты и специалисты компьютерной лингвистики ставят перед собой следующие цели: распознавание речи, анализ текста, генерирование текста, синтез речи. Решение данных задач позволит расширить возможности машинного перевода, автоматического реферирования и аннотирования текстов, кроме того, создать естественно-языковой компьютерный интерфейс [Bird, Klein, Loper; 2009].

Впервые заговорили об обработке естественных языков в 2001 году в рамках курса по компьютерной лингвистике в Университете Пенсильвании. В настоящее время основы обработки естественных языков изучаются во многих университетах, на их основе реализуется множество исследовательских проектов. Изначально идея обработки естественных языков включала в себя четыре составляющих: простота, последовательность, расширяемость, модульный принцип.

Питон является одним из наиболее простых языков программирования, обладающих достаточно мощным функциональным потенциалом и находящихся в свободном доступе. Был разработан Гвидо ван Россумом в 1991 году и активно совершенствуется сейчас целым сообществом программистов. Установка программы доступна на всех платформах. Синтаксис прост в изучении, придается особое значение читаемости кода.

Питон располагает обширным инструментарием для графического программирования и обработки числовых данных. Базовый тип данного языка программирования – строки переменной длины, которые представляют собой неизменяемые последовательности. Тем не менее, есть и другие встроенные типы переменных, например булевой, целое число, число с плавающей запятой и др. Язык обладает четким и последовательным синтаксисом. Набор операторов достаточно традиционен: условный (if), оператор цикла (while), определения класса (class), определения функции (def), обработки исключений (try – except – else) и др [там же].

2.7. Алгоритм программирования

Работа над разработкой компьютерного классификатора началась со сбора тренировочного корпуса, состоящего из 50, на наш взгляд, манипулятивных текстов, а также 50 контрольных текстов, случайно взятых с аналогичных сайтов. Изначально отобранные нами тексты были представлены в виде двух списков URL ссылок, поэтому для того, чтобы преобразовать их в корпус были пройден следующий алгоритм:

- 1) извлечение контента с сайта;
- 2) очистка от лишней разметки;
- 3) нормализация текста (токенизация и создание регистра для всех слов).

Далее, мы на нашем корпусе проверили функционирование и значение следующих метрик (применили характеристические функции):

- 1) прилагательные с приставками “pro-” и “anti-”: данная метрика отображает соотношение числа слов, начинающихся с приставок “pro-” и “anti-”, и общего числа слов;
- 2) корень “soviet-”: оценивается соотношение количества слов, содержащих корень “soviet”, или словосочетаний с данной лексемой и общего числа слов в тексте;

- 3) военная терминология: соотношение количества слов из списка военной терминологии (Приложение А), и общего числа слов в тексте;
- 4) нацистская и фашистская терминология: соотношение количества слов из списка нацистской и фашистской терминологии (Приложение Б) и общего числа слов в тексте;
- 5) маркеры манипуляции: соотношение количества слов из списка маркеров манипуляции и общего числа слов в тексте.

Мы предполагаем, что данные метрики могут быть использованы для определения степени манипулятивности текста, а также являются достаточно значимыми метриками для доказательства манипулятивности текста.

Для подтверждения наших догадок мы посчитали статическую значимость различия между средними значениями вычисленных характеристических функций. Для этого мы применили метод статистической проверки гипотез. В качестве порога статистической значимости был выбран порог в 5%.

Нулевая гипотеза – различия между средними значениями статистически не значимы ($P\text{-значение} > 5\%$). Альтернативная гипотеза – различия статистически значимы ($P\text{-значение} \leq 5\%$)

В качестве инструмента для сравнения значений функций был использован двухвыборочный t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Под t-критерием Стьюдента понимаются методы статистической проверки гипотез, основанных на распределении Стьюдента. Чаще всего t-критерий применяется для проверки равенства средних значений в двух выборках. Принцип заключается в следующем: в числителе случайная величина с нулевым математическим ожиданием, а в знаменателе — выборочное стандартное отклонение этой случайной величины, получаемое как квадратный корень из несмещенной оценки дисперсии. [Student, 1908]. Полученные результаты – в Таблице 13.

Таблица 13. Результаты сравнения значений функций.

Метрика	t-критерий (различие между средним количеством слов в текстах)	p-значение (вероятность одинаковости двух выборок)
“pro-” и “anti-”	2.13633331	0.03522494
“soviet”	3.72056850	0.00039430
Маркеры манипуляции	4.955	0,00000308
Нацистская и фашистская терминология	0.3592	0.7202.
Военная терминология	2.3306	0.0223
Прецедентные имена – Путин	5.8044	0.0000001667

Как мы можем видеть для метрик “pro-”/”anti-“, “soviet”, маркеров манипуляции, военной терминологии и прецедентного имени «Владимир Путин» p-значение меньше выбранного порога значимости, поэтому мы можем отбросить нулевую гипотезу и принять альтернативную. Таким образом, данные характеристические функции могут быть использованы для дифференциации манипулятивных текстов от неманипулятивных. При этом стоит отметить, что показатели для маркеров манипуляции и прецедентного имени «Владимир Путин» – весьма значительные, что свидетельствует о том, что они имеют большое значение для оценки манипулятивности текстов.

Анализ параметра фашистской и нацистской терминологии показал, что различия по данному признаку не существенны и, скорее всего, не могут быть использованы для разграничения манипулятивных и неманипулятивных текстов. Тем не менее, данный параметр все-таки может быть использован в сочетании с другими при анализе манипулятивности текстов.

Код программы представлен в Приложении Г.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Данная глава посвящена дискурсивному анализу отобранного материала – статей новостного портала Russia Today и западных изданий на тему политической ситуации на Украине. Подробно анализировались манипулятивные фрагменты статей, при этом были выделены маркеры манипуляции. Определены две основных стратегии манипуляции: представление себя в выгодном свете и представление оппонента с негативной стороны.

Кратко резюмируем все вышесказанное: в настоящей главе на основе дискурс-анализа статей российских и Западных СМИ мы выделили шесть основных параметров манипулятивного воздействия: военная терминология, нацистская и фашистская терминология, использование прилагательного “soviet”, прилагательные с приставками anti- и pro-, прецедентное имя «Владимир Путин», а также определенные нами маркеры манипуляции. Мы предположили, что данные параметры могут быть использованы для определения степени манипулятивности текста с помощью компьютерного анализатора, а также являются достаточно значимыми метриками для доказательства манипулятивности текста.

Во второй главе мы разработали алгоритм компьютерной программы, которая позволяет обнаружить манипуляцию в текстах статей, сравнили результаты при тестировании программы на, на наш взгляд, манипулятивных статьях и статьях на отвlecенную тематику. Параметры “pro-”/”anti-“, “soviet”, маркеры манипуляции, военная терминология и прецедентное имя «Владимир Путин» оказались весьма значимыми, их р-значение меньше выбранного порога значимости (0,5), поэтому они могут быть использованы для дифференциации манипулятивных и неманипулятивных текстов. Тем не менее, анализ показал, что фашистская и нацистская терминология, скорее всего, не может быть использована для разграничения манипулятивных и неманипулятивных текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На стыке политического дискурса и медиа дискурса существует политический дискурс СМИ, который нацелен на побуждение адресата к действию, навязывание «удобной» точки зрения, а значит – на манипулирование сознанием аудитории.

Таким образом, манипуляция рассматривается как центральное понятие политического дискурса СМИ, ярче всего проявляется в поляризованном дискурсе и реализуется при помощи двух основных стратегий – позитивная самопрезентация и представление оппонента в невыгодном свете. Данные стратегии могут быть воплощены в жизнь при помощи самых разнообразных лингвистических средств.

Проведя социолингвистическое исследование и проанализировав статьи двух поляризованных дискурсов – российского и Западного, мы выявили шесть основных параметров манипулятивности: прилагательные с приставками pro-, anti-, военная терминология, нацистская и фашистская терминология, прецедентное имя «Владимир Путин», маркеры манипуляции и концепт “soviet”.

Разработав алгоритм компьютерной программы, позволяющей обнаружить манипулятивное воздействие, и протестировав ее на потенциально манипулятивных статьях, а также текстах на отвлеченную тематику, мы пришли к выводу, что пять из шести параметров являются значимыми, что говорит о том, что они могут быть использованы для разработки компьютерного классификатора текстов по уровню манипулятивности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений // Вопросы языкознания, 1963. С. 57–63.
2. Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 263 с.
3. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика: учеб. пособие. М.: Московский социально-психологический ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «Модэк», 2002.
4. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России - 2: материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1998.
5. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек, 1997. С. 108-118.
6. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 42 с.
7. Белл Э., Браймен А. Методы социальных исследований. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 776 с.
8. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М.: 1971. 295 с.
9. Большакова Е.И., Клышинский Э.С., Ландэ Д.В., Носков А.А., Пескова О.В., Ягунова Е.В. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. Пособие. М.: МИЭМ, 2011.
10. Бордунова С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 424 с.
11. БСЭ – Большая советская энциклопедия, 1978. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (дата обращения: 23.05.2016).
12. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и

- прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Красноярск, 1999.
- 13.Верхозин С.С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник ИГЛУ, 2013. С. 145-150.
- 14.Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
- 15.Волкогонов Д.А. Психологическая война. М., 1983. 352 с.
- 16.Воронцова Т.А. О соотношении понятий «публичный дискурс» – «язык СМИ» – «публичная речь». Вестник Удмуртского университета, 2008.
- 17.Всероссийский центр изучения общественного мнения. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438> (дата обращения: 1.06.2015).
- 18.Выходилова З.К проблематике связности текста // Rossica Olomucensia. Olomouc, 2000. С. 229–233.
- 19.Герасимов В.М и др. Психология парламентаризма. М., 1999.
- 20.Гладкий А.В. Математические методы изучения естественных языков // Математическая логика, теория алгоритмов и теория множеств: сб. работ, 1973. С. 95–108.
21. Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 189 с.
- 22.Гудков Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог – МГУ, 1998. С. 30-36.
- 23.Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. М.: Диалог – МГУ, 2000. С. 45-52.
- 24.Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: коммуникативно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Екатеринбург, 2003. 200 с.
- 25.Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во МГУ, 1997.

- 26.Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия // Психологический журнал, 1993. С. 132—138.
- 27.Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М.: МГУ, 1962. 382 с.
- 28.Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Спб.: СКИФИЯ, 2008. 280 с.
- 29.Иванов Л.Ю. Пиар есть пиар – примеры речевой манипуляции в новом российском политическом дискурсе. Гамбург, 2004.
- 30.Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.
- 31.Карасик В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. С.-П.: Экополис и культура, 1993. С. 30—38.
- 32.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- 33.Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии, 1987. С. 41—49
- 34.Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.
- 35.Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- 36.Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1999.
- 37.Линский Л. Референция и референты. М.: Прогресс, 1982. С. 161-178.
- 38.Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- 39.Мамай Е.С. Явление референции в науке о тексте // Филология и литературоведение, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2013/04/466> (дата обращения: 29.10.2015).
- 40.Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественного сознания / Управление общественными и экономическими системами, 2006. №2.
- 41.Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис. полит. исслед, 2000. С. 82-93.

42. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
43. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования, методологические проблемы. М.: Наука, 1987.
44. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики. 2009. [Электронный ресурс]. URL: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (дата обращения: 29.10.2015).
45. Пиотровский Р.Г. Математическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1977. 383 с.
46. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997.
47. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
48. Сухотин Б.В. Исследование грамматики числовыми методами. М.: Наука, 1990. 176 с.
49. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. Тверь, 2002. 144 с.
50. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М.: Наука, 1964. 115 с.
51. Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестн. Челяб. ун-та. Филология. Искусствоведение, 2013. С. 101–107.
52. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике. М., 1985. 94 с.
53. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
54. Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. М.: Диалог – МГУ, 1999. С. 114-123.

- 55.Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). М.: Изд-во АСТ, 2001.
- 56.Шиллер Г. Манипуляция и запрограммированное сознание. Самара: ИД «Бахрах-М», 2001.
- 57.Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python. O'Reilly, 2009.
- 58.Bird S., Klein E., Loper E., Baldridge J. Proceedings of the Third Workshop on Issues in Teaching Computational Linguistics: Multidisciplinary Instruction with the Natural Language Toolkit. Ohio, 2008. P. 62 –70.
- 59.Chilton P.A., Schaeffner C. Discourse and politics. // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). London, 1997. P. 206-230.
- 60.Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. №17 (2). 359-383 p.
- 61.Dijk. T.A. van What is political discourse analysis? Amsterdam: Benjamins. 1997. 11-52 p.
- 62.Dijk T.A. van Strategies of Discourse Comprehension. N.Y., 1983. 418 p.
- 63.Dijk T.A. van News as Discourse. N. Jersey. London, 1998. 200 p.
- 64.Dijk T.A. van Ideology: multidisciplinary approach. London, 1998. 170 p.
- 65.Dijk T.A. van Context models in discourse processing. N.Y., 1999. P. 123-148.
- 66.Dijk T.A. van Discourse, ideology and context. // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1-2). P. 11-40.
- 67.Eissa M.M. Polarized discourse in the news // Procedia - Social and Behavioral Sciences, 2014. P. 70 – 91.
- 68.Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
- 69.Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction. London: Sage Publications, 1997. P. 258-284
- 70.Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195-224.

- 71.Herdan G. Language as Choice and Chance. Noordhoff: Groningen, 1956.
356 p.
- 72.Morris P. Fiorina, Samuel A. Abrams, and Jeremy C. Pope. Polarization in
the American public: Misconceptions and misreadings // The Journal of
Politics, 2008. 70(02). P. 556–560.
- 73.Rudinow J. Manipulation / Ethics, 1978. P. 338—347.
- 74.Schudson M. Sending a Political Message: Lessons from the American
1790s // Media. Culture and Society, 1997. P. 311-330.
- 75.Seidel G. Political discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis.
London: Academic Press, 1985. №4. P. 43-60.
- 76.Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication.
Univ. of Illinois Press, 1949. 117 p.
- 77.Student. The Probable Error of a Mean // Biometrika, 1908. P. 1-25.
- 78.Zipf G.K. The Psychobiology of Language. Houghton-Mifflin, 1935. 336 p.
- 79.Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-
Wesley, 1949. 573 p.
- 80.Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction.
London: Sage Publications, 1997. P.259-284.
- 81.Wodak R. Critical Discourse Analysis at the End of the 20th Century //
Research on Language and Social Interaction, 1999. P.185-193.
- 82.Wodak R. “Others in discourse”: racism and anti-Semitism in present-day
Austria // Research on democracy and society, 1996. P.275-296.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Список военной терминологии

acceptability	antilift device
accountability	antipersonnel
acquire	antiradiation
acquisition	antirecovery
activation	antisubmarine
adversary	antisurface air operation
aerial picket	antisweep device
aerial port	antisweeper mine
aerodynamic missile	antitank helicopter
aeromedical evacuation	antitank mine
aerospace defense	antiterrorism
afloat	antiwatching device
aggressor forces	apron
aimpoint	archipelagic sea lanes passage
air portable	architecture
airborne	armed forces
airburst	armed mine
aircraft	armistice
aircrafts	armistice
air-defense systems	armored reconnaissance vehicles
airdrop	army
airfield	artillery
airlift	artillery
airmobile	assault
airspace	at priority call .
airspeed	atomic air burst
air-to-air	atomic warfare
air-to-surface	atomic weapon
airways	attack
alliance	attrition
allocation	authenticate
allotment	authentication
allowable	authenticator
ammunition	autocode format
amphibian	aviation
amphibious	backfill
anchor	back-haul airlift
anchorage	backscatter
annex	back-scattering
annotated print	backshore
annotation	backwash
antemortem	balisage
antenna mine	ballistic missile
antiarmor helicopter	bandwidth
anticountermining device	bank angle
anti-g suit	

Продолжение Приложения А

battalions
battery
battle
battlefield
battlespace
blind transmission
blister agent
blocking
bomb
bomber
bombing
bonding
booster
border
borei-class submarines
bottom mine
breakaway
breakbulk
bridgehead
briefing
brigade
broach
buddy-aid
buffer
burnout
burn-through range
cache
camouflage
campaign
capability
capacity
capstone
capsule
cargo
carrier air wing
catalytic attack
catapult
causeway
c-day
cease fire
cease fire line
ceiling
celestial guidance
celestial sphere
cell
censorship
center
chalk commander
chalk number
chalk troops

chart sheet
chemical
biological
radiological
nuclear defense
chuffing
cipher
civil defense
clearance capacity
clutter
coalition
coassembly
combat
combatant
combustor
command
container
containerization
containership
contingency
contingent
convergence
convoy
escort
counterair
counterattack
counterbattery
counterdeception
counterdrug
counterdrug
counterfire
counterforce
counterguerrilla
counterinsurgency
counterintelligence
countermeasures
countermine
countermobility
countermove
counteroffensive
counterpreparation
counterproliferation
counterpropaganda
counterreconnaissance
countersabotage
countersign
countersubversion
countersurveillance
counterterrorism
courier

Продолжение Приложения А

cover
coverage
covering fire
crash
cratering
crater
creeping mine
crest
crisis
crossing area
cross-leveling
cross-loading
cross-servicing
cross-targeting
cryogenic
cryptanalysis
cryptochannel
cryptographic
cryptologic
cryptology
cryptomaterial
cryptopart
cryptosecurity
cryptosystem
cyber
cyberspace
cease-fire
chocking
convoys of weapons
damage
danger
dazzle
d-day
dead mine
dead space
deadline
de-arming
debarkation
debarkation
deceased
decentralized
deception
deck alert
declassification
declassify
declination
decompression
decoy
decrypt
defense
defensive

defilade
definitive
defoliant
degaussing
demilitarized
demobilization
demolition
departure airfield
departure area
departure end
departure point
deployment
depot
depth
destruction
detained
detainee
deterioration
deterrence
deterrent options
detonating cord
detonator
deviation
diaphragm stop
diapositive
direct fire
disabling fire
disarmament
disarmed mine
disembarkation
disengagement
dispenser
dispersal
dispersion
disposition
disruptive
dissemination and integration
dissemination system
ditching
doppler effect
doppler radar
drift
drone
dual-capable
dud
dummy
dump
dwell time
earmarking of stocks
earthing
echelon

Продолжение Приложения А

ejection
electronic warfare systems
elevation
elicitation
eligible traffic
embarkation
emergency
emission
emplacement
employment
enabling force
encipher
endurance
engagement
envelopment
equipment
escort
espionage
evacuation
evacuee
evader
evasion
execute
executing
execution
exercise
exfiltration
exoatmosphere
expedition
expellee
exploitation
explosive
fairway
feasibility
feint
fender
ferret
field
fire
fireball
firepower
flanking attack
flare
flatted cargo
flight
footprint
force
forcible entry
fordability
foreshore
forward

front
frontal attack
frustrated cargo
full charge
gadget
garble
garnishing
garrison force
gear
georef
geospatial
glide bomb
glide mode
grad rocket launchers
ground
guerrilla
guided
gull
gun
harassing fire
harassment
harbor
hardstand
hardware
harmonization
hasty attack
hatch
havens
hazard
heavy antitank weapon
helicopter
helipad
heliport
herbicide
high airburst
homeland
horizon
horn
hostage
hostile
howitzer
howitzers
hub
hunter track
hydrogen bomb
hypersonic
hyperstereoscopy
hypobaric
ignition
imprint
incident

Продолжение Приложения А

indicator
indirect fire
infiltration
inflammable cargo
infrared
inshore patrol
inspection
insurgency
integration
intelligence
interagency
interceptor
interdiction
interface
interim
interned
interoperability
interoperation
interpretability
interpretation
inter-service
intertheater
interval
intervention
intracoastal
intransit
intratheater
intruder
intrusion
invasion
ionosphere
ir pointer
irregular forces
j-2x
jamming
j-axis
jet
jettison
joiner
jumpmaster
landmark
lap
laser
lashing
late
lattice
launch
laundering
lay
leapfrog
lever

leverage
liaison
lightening
lighterage
link
litter
littoral
load
localizer
lodgment
loran
lot
maneuver
manifest
manpower
map
margin
marker
marshalling
mayday
meaconing
megaton weapon
mensuration
merchant
message
microform
midcourse
military
mine
minefield
minehunting
misfire
missile
missile
missing
mission
mobility
mobilization
mock-up
mode
monitoring
moored
mortar
multichannel
munition
muzzle
napalm
narcoterrorism
nautical
navigation
neutralization

Продолжение Приложения А

neutralize
no-fire
nonalignment
noncombatant
nondeferrable
nongovernmental
nonlethal
nonstandard
nonstocked
non-submarine
nuclear
nuclear arsenal
nuclear warheads
nuisance
objective
obligated
oblique
obliquity
observation
observer
obstacle
obstructor
occupation
occupational
offensive
offset
oiler
operational
optimum
orbit
order
ordnance
oscillating mine
otter
outbound
overhaul
overlap
overlay
overpressure
overprint
overseas
pace
padding
pallet
parachute
paradrop
parrot
partisan
passenger mile
passive
password

pathfinders
pathogen
patient
patrol
payload
p-day
peacekeeping
peak overpressure
pencil beam
penetration
period
permafrost
persistency
personnel
phase
phony minefield
photoflash bomb
pictomap
pillbox
pilot's trace
pinpoint
pipeline
piracy
pitch
plate
platform drop
plot
port
power projection
practice mine
prearranged fire
precautionary
precession
precursor
preinitiation
prevention
prisoner
proactive
probable
proclamation
procurement
provisioning
proword
pyrotechnic
quay
radar
radioactive
railhead
ratification
rationalization
ratline

Продолжение Приложения А

r-day
reachback
reaction time
readiness
reattack
rectification
refugee
regrade
regular
reinforcement
reinforcing
remote
requisition
resistance
resupply
resuscitative care
retained personnel
reticle
retrofit
retrograde
riot
rocket
rocket
route
rupture zone
ruse
sabotage
salted weapon
salvage
satellite
seaward
sector
security
sedition
segregation
seize
seizures
self-defense
self-destroying
self-protection
ship
shipping
shoal
shoreline
shortfall
short-range
shuttered
sinker
sonar
sonic
sonobuoy

source
split
sprocket
squadron
squib
squirt
staballoy
staff
stimulants
stowage
strafing
straggler
strapping
strategic a
stretcher
strikedown
subkiloton
submarine
submunition
subordinate
subsonic
supercargo
supplementary facilities
supply
suppression
surface warfare
surface-to-air guided missile
surface-to-air missile
surface-to-air missile envelope
surface-to-air missile installation
surface-to-air missile site
surface-to-air weapon
surface-to-surface guided missile
surveillance
sustainment
swept path
switch horn
tactical
tactics
tagline
tanker
tanks
target
targeting
taxiway
t-day
tear line
technical
terrain
terrestrial
terrorism

Продолжение Приложения А

terrorist
thermal
threat
tophandler
toxin
trafficability
training
trajectory
transattack period
transfer loader
transient
transition
transmission security
transonic
transponder
transportability
transportation
transporting
transshipment point
traverse
treason
troop
troops
trucks
turbojet
turnaround
uncharged demolition target
unclassified matter

understowed cargo
underwater demolition
uniformed
units
unmanned
unscheduled convoy phase
unstable patient
unstuffing
unwanted cargo
unwarned exposed
urban triad
validate
vehicle
verification
verify
vertex
vetting
vignetting
visibility range
wanted cargo
war
warble
warhead
warp
weapon
weaponneering
weaponry
withdrawal operation

Список нацистской и фашистской терминологии

Allies
Antisemitism
Assimilation
Communism
Contra fact
Diaspora
Drancy
Euthanasia
Fascism
Fascists
Gas chambers
Genocide
Gestapo
Great Depression
Guerrilla warfare
Gypsies
Hitler
Holocaust
Homophobia
International Military Tribunal
Judenrat
Judaism
Muselmann
Nationalism
Nazi
Neo-Nazi
Neo-Nazism
Neuengamme
Operation Barbarossa
Operation Reinhard
Pale of Settlement
Partisans
Passover
Perpetrators
Pogrom
Prejudice
Pro-Nazi
Propaganda
Protectorate
Reich
Resettlement
Revisionists
Social Darwinism
Socialism
Stalin
Swastika
Synagogue
Third Reich

Russia escalates tensions with aid convoy, reported firing of artillery inside Ukraine

By Karoun Demirjian and Michael Birnbaum August 22, 2014

MOSCOW — The conflict between Russia and Ukraine hit dangerous new heights Friday as Russia sent an enormous aid convoy into rebel-held Ukrainian territory without the permission of the Kiev government, a move that a top Ukrainian security official described as a “direct invasion.” The maneuver came amid reports from NATO that Ukrainian troops were coming under Russian artillery fire from inside their borders.

“Russian artillery support — both cross-border and from within Ukraine — is being employed against the Ukrainian armed forces,” NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen said in a statement accusing Moscow of a “blatant breach of Russia’s international commitments” that would intensify a crisis he said it had helped to create and fuel.

“The disregard of international humanitarian principles raises further questions about whether the true purpose of the aid convoy is to support civilians or to resupply armed separatists,” Rasmussen said. It was the strongest denunciation of Russia’s role in Ukraine that NATO has issued and the first time the alliance has accused Russian forces of firing artillery at the Ukrainian army from within Ukraine.

The charges coincide with Russia’s decision to move a convoy of more than 200 trucks into Ukraine on Friday without either government permission or the participation of the International Committee of the Red Cross (ICRC).

Russia’s Foreign Ministry said in a statement Friday morning that Moscow had run out of patience with “delays” and other “excuses” from Ukraine after a nearly 10-day standoff. It said Ukraine’s leaders were deliberately trying to slow-walk the delivery of aid to the war-torn region of Luhansk until “there is no one at all to provide help to.”

The White House condemned the Russian action and said it raised the likelihood that Russia planned the convoy as a pretext for invasion.

“At the same time as Russian vehicles violate Ukraine’s sovereignty, Russia maintains a sizeable military force on the Ukrainian border capable of invading Ukraine on very short notice,” National Security Council spokeswoman Caitlin Hayden said. “We recall that Russia denied its military was occupying Crimea until it later admitted its military role and attempt to annex this part of Ukraine.”

U.S. Air Force Gen. Philip M. Breedlove, the supreme allied commander in Europe, separately condemned “Russia’s illegal incursion” into Ukraine as he expressed concern about the massing of 20,000 Russian “combat-ready troops” on the border with eastern Ukraine and the

Продолжение Приложения В

flow of Russian arms and operatives to pro-Moscow separatist forces. The unauthorized convoy “indicates that Russia is more interested in resupplying separatists rather than supporting local populations,” Breedlove said in a statement.

Ukrainian authorities appeared to be scrambling Friday to decide how to respond to the border incursion.

Officials had threatened a military response if the Russian convoy tried to force its way into Ukraine, despite the risk of triggering an all-out invasion by Russian forces. Yet allowing the trucks to disperse across the Luhansk region without any Ukrainian controls in effect allows Russia to force a cease-fire in Kiev’s fight against pro-Russian separatists.

State security chief Valentyn Nalyvaichenko told journalists in Kiev that Ukrainian forces would not use force against the convoy because they want to avoid “provocations.” But Ukraine’s prime minister struck a more confrontational tone.

“It’s clear that Russia is not planning to conduct any humanitarian mission,” Arseniy Yatsenyuk said on national television. “We need to use all methods to stop Russian military aggression.”

For Ukrainian officials, a potential military response ultimately depends on whether the Russian convoy tries to do anything more than distribute aid.

“If we find in the convoy some other equipment, some other equipment that’s not humanitarian aid, then the direction will be different,” military spokesman Andriy Lysenko said.

On Friday evening, Russian state television broadcast images of the trucks pulling up to a loading dock in rebel-held Luhansk. Shirtless men wearing jeans unloaded large white bags that appeared to be filled with grain, beans or flour and moved them into a warehouse.

The original ICRC plan was for the trucks to enter Ukraine, deposit aid supplies and leave immediately by the same route. Russia’s ambassador to the United Nations, Vitaly Churkin, declined to say whether the convoy would hold to that plan.

Meanwhile, Ukraine’s Foreign Ministry urged international allies to condemn Russia for what Ukrainian President Petro Poroshenko called a “flagrant violation of international law.”

In Washington, a Pentagon spokesman, Rear Adm. John Kirby, stopped short of calling the movement an invasion but said “it strains credulity to think that this equipment’s not moving across the border accompanied by Russian forces.”

Kirby called on Russia to withdraw vehicles and personnel and threatened “additional costs and isolation” otherwise. That is a reference to potential further economic sanctions on Russia and diplomatic ostracizing of Moscow, tactics the West has applied for months with little success.

Продолжение Приложения В

“They should not be doing this under the guise of a humanitarian convoy,” Kirby said.

In a conversation with German Chancellor Angela Merkel, Russian President Vladimir Putin said “explicit delays from the side of Kiev” forced Russia to send the convoy across the border unilaterally. Further delays in getting help to Luhansk residents, many of whom have no water or electricity, would be “unacceptable,” he added.

The latest delays, however, emanated from the ICRC’s concerns for the safety of its workers.

Poroshenko had agreed last week to let Russian and European aid into rebel-held portions of the eastern region of Luhansk, but only if ICRC workers presided over the shipments. The ICRC asked for security guarantees, which Ukraine gave — but only for areas under government control.

On Friday morning, ICRC officials told Russia that after a night of heavy shelling in Luhansk, they did not yet have the necessary safety guarantees.

Yet the convoy was shrouded in controversy from the start. When Russia first sent the trucks toward Ukraine they did it without specific ICRC authorization, prompting Ukraine and its allies to worry that the shipment was designed as cover for a military invasion.

Ukrainian officials refused to let the trucks through a government-controlled border crossing in the Kharkiv region, so the convoy headed for rebel-controlled territory instead.

The trucks then spent more than a week idling outside the Izvaryne border crossing to Luhansk, which is controlled by pro-Russian rebels, as government ministers tried to hammer out a deal.

Reporters in the area noted the presence of food, water and emergency supplies in the trucks. Some on the scene also reported seeing heavy military vehicles near the convoy on the Russian side of the border.

Last week, Western reporters watched a column of Russian armored personnel carriers enter Ukraine while the aid convoy was waiting on the Russian side. Ukraine said its forces subsequently destroyed part of the column, but Russia denied that any of its vehicles had crossed the border or had been attacked.

On Thursday, Russian customs officials cleared the first group of aid trucks into the border zone between Russian and Ukrainian territory, where they were waiting for the go-ahead to enter Ukraine.

That night, ICRC officials said the first trucks would likely enter Ukraine on Friday.

William Branigin, Anne Gearan and Karen DeYoung in Washington and Stephanie Kirchner in Berlin contributed to this report.

Программный код

Извлечение контента с сайта (на примере ссылок из Washington Post)

```

1 import csv
2 import json
3 import requests
4 from bs4 import BeautifulSoup
5
6 filename = '/home/alexdel/reactor/manipulare/unbiased_data/links/wp.csv';
7
8 linksCsv = csv.reader(open(filename, 'r'), delimiter = ',', quotechar = '"')
9 links = [row[0] for row in linksCsv]
10
11 articlesContent = []
12
13 for link in links:
14     print('scraping: ' + link)
15     result = requests.get(link)
16     soup = BeautifulSoup(result.content, 'lxml')
17     item = {}
18
19     item['articleText'] = soup.find('article', {'itemprop': 'articleBody'}).get_text()
20     item['articleHeader'] = soup.find('h1', {'itemprop': 'headline'}).get_text()
21     item['articleSrc'] = 'WP'
22     item['articleBiased'] = False
23     item['articleUrl'] = link
24
25     articlesContent.append(item)
26
27 with open('/home/alexdel/reactor/manipulare/unbiased_data/wp_results.json', 'w') as
28     outfile:
29         json.dump(articlesContent, outfile)

```

Очистка от лишней разметки

```

1 import nltk
2 from nltk.tokenize import RegexpTokenizer
3 tokenizer = RegexpTokenizer("[\w']+")
4
5 def cleanTextData(textString):
6     words = tokenizer.tokenize(textString)
7     words = [w.lower() for w in words]
8     return words

```

Проверка метрик

```

1  from cleaner import cleanTextData
2
3  def countProAntiRatio(text):
4      words = cleanTextData(text)
5      matchedWords = 0
6
7      for word in words:
8          if word.startswith('pro-') or word.startswith('anti'):
9              matchedWords += 1
10
11     return matchedWords/len(words)
12
13 def countSovietRatio(text):
14     words = cleanTextData(text)
15     matchedWords = 0
16
17     for word in words:
18         if word.find('soviet') > -1:
19             matchedWords += 1
20
21     return matchedWords/len(words)
22
23 def countNaziTermRatio(text):
24     #prepare nazi words list
25     with open('data/words/nazi_term.txt') as f:
26         naziWords = f.readlines()
27         naziWords = [w.lower() for w in naziWords if w != '']
28
29     normalText = text.lower()
30
31     wordsFound = 0
32     for w in naziWords:
33         w = w.strip()
34         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
35             print(w)
36             wordsFound += normalText.count(w)
37
38
39     return wordsFound/len(normalText.split())
40
41 def countCustomMarkersRatio(text):
42     #prepare nazi words list
43     with open('data/words/manip_markers.txt') as f:
44         customMarkers = f.readlines()
45         customMarkers = [w.lower() for w in customMarkers if w != '']
46
47     normalText = text.lower()
48
49     wordsFound = 0
50     for w in customMarkers:
51         w = w.strip()
52         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
53             wordsFound += normalText.count(w)
54
55
56     return wordsFound/len(normalText.split())
57
58 def countMilitaryTermsRatio(text):
59     #prepare nazi words list
60     with open('data/words/military_terms.txt') as f:
61         militaryTerms = f.readlines()
62         militaryTerms = [w.lower() for w in militaryTerms if w != '']

```

```

63     normalText = text.lower()
64
65     wordsFound = 0
66     for w in militaryTerms:
67         w = w.strip()
68         if normalText.count(w) > 0 and len(w) > 2:
69             print(w)
70             wordsFound += normalText.count(w)
71
72
73     return wordsFound/len(normalText.split())
74
75 def countPutinRatio(text):
76     words = cleanTextData(text)
77     matchedWords = 0
78
79     for word in words:
80         if word.find('putin') > -1:
81             matchedWords += 1
82
83     return matchedWords/len(words)
84

```

Обработка информации

```

1  import json
2  import numpy
3  import scipy
4  from features import countProAntiRatio, countSovietRatio, countNaziTermRatio,
5  countCustomMarkersRatio, countMilitaryTermsRatio, countPutinRatio
6
7  from pymongo import MongoClient
8  client = MongoClient('localhost:27017')
9  db = client.manipulation
10
11  articles = db.articles.find({})
12
13  featureName = 'putinRatio'
14
15  for a in articles:
16      db.articles.update({
17          '_id': a['_id']
18      },{
19          '$set': {
20              'features.' + featureName: countPutinRatio(a['articleText'])
21          }
22      }, upsert=False, multi=False)
23
24
25  pos = db.articles.find({"articleBiased": True})
26  neg = db.articles.find({"articleBiased": False})
27
28  print(scipy.stats.ttest_ind([i['features'][featureName] for i in neg],
29                              [i['features'][featureName] for i in pos], axis=0, equal_var=False))

```